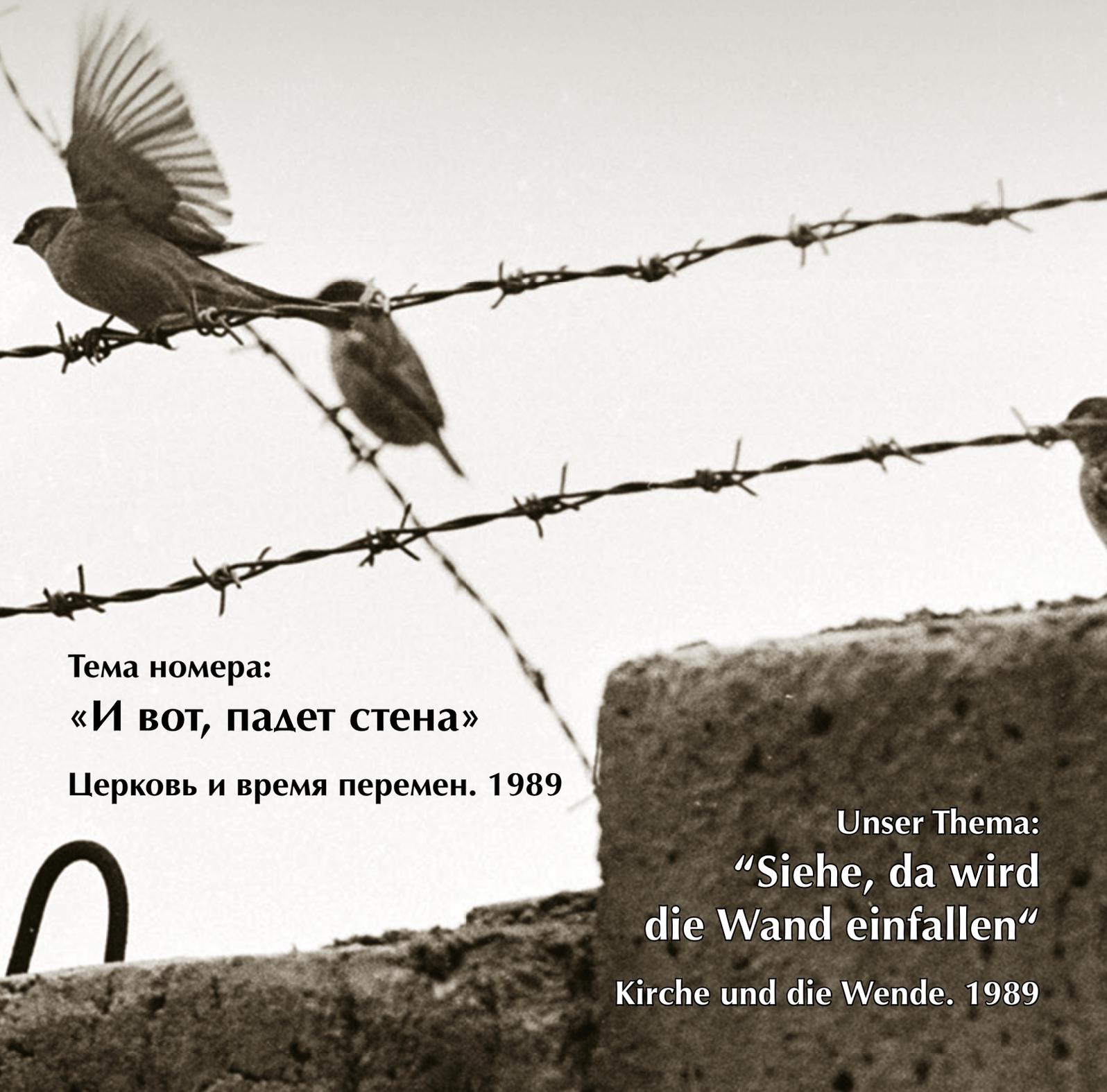

Der Bote

Вестник

Evangelisch-lutherische Zeitschrift № 2/2019 Евангелическо-лютеранский журнал

Тема номера:

«И вот, падет стена»

Церковь и время перемен. 1989

Unser Thema:

**“Siehe, da wird
die Wand einfallen“**

Kirche und die Wende. 1989

В НОМЕРЕ: IN DIESEM HEFT:

От редакции / Editorial **3**

Елена Дякива / Elena Djakiwa

Проповедь / Predigt 4-7

Слезы Петра / Tränen von Petrus

Д-р Габриеле Метцнер / Dr. Gabriele Metzner

Тема номера: «И вот, падет стена»

Unser Thema: „Siehe, da wird die Wand einfallen“

«Мы были видимыми по ту сторону границы...» **8-12**

„Wir waren sichtbar auf der anderen Seite der Grenze..“

Фридерике фон Кирхбах / Friederike von Kirchbach

«Знак» / „Das Zeichen“ **15**

Шалом Бен-Хорин / Schalom Ben-Chorin

Главные заповеди **18-21**

Die höchsten Gebote

Елена Бондаренко / Dr. Elena Bondarenko

Между двумя мирами **22-25**

Zwischen zwei Welten

Молитва / Gebet 13-14

Стены / Mauern **13**

Даруй нам силу памяти

Schenke uns die Kraft der Erinnerung **14**

Детская страничка 16-17

Сценка ко Дню св. Мартина **16**

Закладки для книг ко Дню св. Мартина **17**

Vertraut den neuen Wegen

KLAUS-PETER HERTZSCH
FOTOGRAFIE
JOHANN RICHTER

Евангелие и фильм 26-28

Непростые истории простых людей **26-28**

Елена Дякива

Музыка 29-31

Пророческий хорал **29-31**

Елена Дякива

В Е С Т Н И К

Журнал Централизованной религиозной организации «Евангелическо-Лютеранская Церковь России» выходит 3 раза в год

Редактор журнала
Елена Дякива

Верстка
Юлия Другова

Перевод на немецкий язык
Руфь Штубеницкая

Корректурa немецких текстов
Христине Мюллер

Корректурa
Марина Худенко

Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения автора

Адрес:

Россия,
191186, Санкт-Петербург,
Невский пр., 22-24

Тел.: (812) 571-94-17

E-mail: bote@elkras.ru

При перепечатке
ссылка обязательна

Регистрационное
свидетельство № 018676
от 7 апреля 1999 года

Отпечатано в типографии
ООО «АКЦЕНТ типография»:
Россия, Санкт-Петербург

Подписан в печать
17.10.2019

Тираж: 1000 экз.

DER BOTE

Zeitschrift der zentralisierten
religiösen Organisation
„Evangelisch-
Lutherische Kirche Russlands“
erscheint dreimal im Jahr

Redaktion
Elena Djakiwa

Lay-Out
Julia Drugowa

Übersetzungen ins Deutsche
Ruth Stubenitzky

Korrektur der deutschen Texte
Christine Müller

Korrektur
Marina Chudenko

Namentlich
gekennzeichnete
Artikel geben nicht grundsätzlich
die Meinung der Redaktion wieder

Adresse:

Newski pr., 22-24
191186 St. Petersburg,
Russland

Tel: (812) 571-94-17

E-mail: bote@elkras.ru

Druck: GmBH „ACCENT
printing house“,
Russland, St. Petersburg

Redaktionsschluss –
17.10.2019

Auflage: 1000

Дорогие читатели!

9 ноября этого года исполнится 30 лет падения Берлинской стены. Мы не смогли пройти мимо этой даты и посвятили номер этому событию. Почему это важно? Потому что падение Стены – это не только история одного города или одной страны. Оно стало знаковым событием времени перемен для стран соцлагеря, объединенных под началом страны, в которой родились и жили мы – СССР. И это время означало перемены также и для евангелической Церкви, которая в Восточной Германии существовала до этого в оппозиции к режиму, а в СССР в те годы только собиралась из разрозненных общин, рассеянных на огромной территории.

Опыт жизни христиан в ГДР, отраженный в материалах этого журнала, дает нам возможность задуматься о таких вопросах, как мироощущение и место верующего человека в секуляризованном обществе, где сильна пропаганда атеизма, а Церковь воспринимается как пережиток прошлого, который рано или поздно должен исчезнуть.

Два материала нашего номера написаны авторами, которые выросли в христианских семьях в Восточной Германии и потому в детстве и юности ощущали себя чужими в собственной стране. Это взгляд из особой перспективы. Далеко не всем гражданам ГДР было знакомо это чувство.

Пастор из Берлина Фридерике фон Кирхбах рассказывает в своей статье, написанной специально для нашего журнала, о значении Евангелической Церкви в ГДР для Мирной революции 1989 года и о том «мосте», который она перекидывала по ту сторону Стены. Суперинтендент церковного округа Виттенберг д-р Габриеле Метцнер в своей проповеди, посвященной воспоминанию о падении Стены, говорит о необходимости обернуться и оплакать прошлое, чтобы идти дальше. И библейской метафорой этого процесса служат для нее слезы апостола Петра, трижды отрекшегося от Иисуса.

Возможно, для наших русскоязычных читателей станет открытием, что хорал «Доверьтесь новым тропам» был написан в 1989 году и внезапно стал в Германии популярным текстом эпохи перемен. Об этом вы узнаете из материала в рубрике «Музыка». О том, с какими вызовами сталкивается тот, кто приходит к вере в сознательном возрасте, не имея религиозного воспитания в детстве, рассуждает в своей статье пропст Елена Бондаренко.

Воспоминанию об еще одной важной дате, связанной также и с темой номера, – 80-летию начала Второй мировой войны посвящен текст в рубрике «Молитва», а также материал о стихотворении «Знак» немецко-еврейского писателя Шалом Бен-Хорина.

Политика – важна, но она не решает фундаментальных вопросов человеческого бытия. К такому осознанию приходит в годы перемен польский режиссер Кшиштоф Кесьлёвский. О его цикле телефильмов «Декалог», которому в этом году также исполнилось 30 лет, я рассказываю в рубрике «Евангелие и фильм». В нем режиссер пытается исследовать библейские заповеди как некий моральный абсолют, которым так или иначе руководствуется каждый.

Желаем вам приятного чтения и интересных открытий!

От имени редакции
Елена Дякива, редактор журнала
«Der Bote/Вестник», г. Санкт-Петербург

Liebe Leserinnen und Leser!

Am 9. November dieses Jahres ist der dreißigste Jahrestag des Berliner Mauerfalls. Wir konnten dieses Datum nicht außer Acht lassen, sondern haben das neue Heft diesem Ereignis gewidmet. Warum ist das wichtig? Weil der Fall der Mauer nicht nur Geschichte einer Stadt oder eines Landes ist. Dieses Ereignis wurde zu einem Zeichen für eine Zeit der Wandlung in den Ländern des sozialistischen Lagers, vereint unter der Vorherrschaft des Landes, in dem wir geboren wurden und gelebt haben – der UdSSR. Und diese Zeit bedeutete Veränderungen auch für die evangelische Kirche, die in Ostdeutschland bis dahin in Opposition zum Regime existierte und in der UdSSR in jenen Jahren erst im Begriff war, sich aus vereinzelt, über ein riesiges Gebiet verstreuten Gemeinden zu sammeln.

Die Lebenserfahrung der Christen in der DDR, wie sie in den Materialien dieser Zeitschrift wiedergegeben ist, gibt uns die Möglichkeit, ins Nachdenken über Fragen wie die Lebenssicht und den Ort des gläubigen Menschen in einer säkularisierten Gesellschaft zu kommen, in der die atheistische Propaganda stark ist und die Kirche als Relikt der Vergangenheit aufgefasst wird, das früher oder später verschwinden muss.

Zwei Materialien in unserem Heft sind von Autorinnen verfasst, die in christlichen Familien in Ostdeutschland aufgewachsen sind und sich deshalb als Kinder und Jugendliche im eigenen Land fremd fühlten. Es ist ein Blick aus einem besonderen Blickwinkel. Lange nicht alle DDR-Bürger kannten dieses Gefühl.

Die Berliner Pastorin Friederike von Kirchbach erzählt in ihrem extra für unsere Zeitschrift verfassten Artikel von der Bedeutung der evangelischen Kirche in der DDR für die Friedliche Revolution von 1989 und von der „Brücke“, die sie zur anderen Mauerseite schlug. Dr. Gabriele Metzner, Superintendentin des Kirchenkreises Wittenberg, spricht in ihrer Predigt über die Notwendigkeit, zurückzublicken und die Vergangenheit zu beweinen, um weiterzugehen. Und als biblische Metapher dafür dienen ihr die Tränen des Apostels Petrus, der Jesus dreimal verleugnet hatte.

Vielleicht ist es eine Entdeckung für unsere russischsprachigen Leser, dass das Lied „Vertraut den neuen Wegen“ 1989 geschrieben wurde und plötzlich zu einem beliebten Text der Epoche des Wandels in Deutschland wurde. Davon können Sie aus den Materialien in der Rubrik „Musik“ erfahren. Auf welche Herausforderungen man stößt, wenn man selbständig zum Glauben kommt, ohne als Kind eine religiöse Erziehung gehabt zu haben, darüber denkt Pröpstin Elena Bondarenko in ihrem Artikel nach.

Um die Erinnerung an ein weiteres mit dem Thema des Heftes verbundenes Datum – zum 80. Mal jährt sich der Beginn des Zweiten Weltkrieges – geht es in der Rubrik „Gebet“ sowie im Text über das Gedicht „Das Zeichen“ vom deutsch-jüdischen Schriftsteller Schalom Ben-Chorin.

Politik ist wichtig, aber sie löst die fundamentalen Fragen des Menschseins nicht. Das wird dem polnischen Regisseur Krzysztof Kieślowski in den Jahren der Wende bewusst. Über den Filmzyklus „Dekalog“, der dieses Jahr ebenfalls 30 Jahre alt wird, erzähle ich in der Rubrik „Evangelium und Film“. In ihm versucht der Regisseur, die biblischen Gebote als eine Art moralisches Absolutum zu erforschen, von dem sich jeder irgendwie leiten lässt.

Wir wünschen Ihnen angenehmes Lesen und interessante Entdeckungen!

Im Namen der Redaktion
Elena Djakiva, Redakteurin der Zeitschrift
„Der Bote/Вестник“, St. Petersburg

Слезы Петра

Д-р Габриеле
Метцнер,
суперинтендент
евангелического
церковного округа
Виттенберг,
г. Лютерштадт
Виттенберг

Dr. Gabriele Metzner,
Superintendentin
des Evangelischen Kir-
chenkreises Wittenberg,
Lutherstadt Wittenberg

Когда Петр был на дворе внизу, пришла одна из служанок первосвященника и, увидев Петра греющегося и всмотревшись в него, сказала: и ты был с Иисусом Назарянином.

Но он отрекся, сказав: не знаю и не понимаю, что ты говоришь. И вышел вон на передний двор; и запел петух. Служанка, увидев его опять, начала говорить стоявшим тут: этот из них. Он опять отрекся.

Спустя немного, стоявшие тут опять стали говорить Петру: точно ты из них; ибо ты Галилеянин, и наречие твое сходно. Он же начал клясться и божиться: не знаю Человека Сего, о Котором говорите.

Тогда петух запел во второй раз. И вспомнил Петр слово, сказанное ему Иисусом: прежде нежели петух пропоет дважды, трижды отречешься от Меня; и начал плакать. (Мк. 14,66-72).

Я вспоминаю, как под ногами шуршит песок, всего лишь небольшой шорох. И сегодня, спустя 38 лет, это чувство не покидает меня, так же как и мысль: «Ноги моей здесь больше не будет. Прочь отсюда!» Сегодня я думаю, что эта именно мысль и породила тот шорох, что вкрался в мое воспоминание. Ненадолго остановившись, я покидаю двор школы. Она была одной из многих «политехнических средних школ» в бывшей ГДР. С первого по десятый класс там учились не только читать и писать, но также и тому, как стать социалистической личностью. У того, кто не входил в детскую и в юношескую организацию, и не принимал участие в «гражданской конфирмации», возникали препятствия в получении образования.

Поэтому я хотела просто стряхнуть с себя те десять лет, что провела там, и, по возможности, больше никогда не вспоминать то чувство онемения, с которым я иногда сидела там. Это чувство испытывали в то время многие люди на Востоке Германии. Это было чувство того, что ты чужой в собственной стране. Это побуждало людей к бегству, внутреннему и внешнему.

Сцена с Петром и служанкой напоминает мне об этом: прочь! Петра преследуют, сначала служанка во дворе первосвященника: «И ты был с Иисусом Назарянином». Оба пока еще находятся в диалоге. Но затем сцена набирает ход. Пётр бежит в темный передний двор дворца. Песок шуршит у него под ногами, когда он оборачивается. Короткий момент, потом петух кричит в первый раз. Служанка идет за ним по пятам и рассказывает людям, которые находятся там, кто перед ними. Кульминация почти достигнута, когда и те, кто стоял там, пытаются распознать в Петре

«этого из них». Галилеян, говорят они, мы узнаем по наречию. Они производят волнение, как и этот Иисус. Пётр – это же один из них. Не нужно ли и его изолировать? И тут петух кричит во второй раз. Его история с Иисусом снова настигает его. Иисус предсказал ему слабость, когда Пётр клялся в безграничной верности.

«Остров в красном море» – так назвала одна журналистка в газетной статье церковную семинарию в Потсдаме-Германсвердере. Там с 1981 года я училась у преподавателей, которые сами пострадали от образовательной политики ГДР и из-за их противостояния были уволены из учебных заведений. Один из этих учителей задал нам написать сочинение на цитату из Кристины Вольф: «Прошедшее не мертво; оно даже не прошло. Мы отделяем его от нас и отчуждаемся».

Это было время гонки вооружений, когда нашивки «мечи на орала»¹ были запрещены, а занятия по военной подготовке в школе были уже введены. Центры городов разрушались и целые районы стонали от ядовитых отходов и загрязненного воздуха. Прошедшее не ушло, оно удерживало свою власть и распространялось во мне и в стране, которой управляли несколько старых, не избранных демократическим путем, мужчин.

Но это было также и время молитв о мире, экологических групп и Церковных дней. Многие не отворачивались и не эмигрировали внутренне, но стремились отвоевать «чужую страну».

В кульминации библейской истории, во время второго крика петуха, Пётр начинает плакать. Матфей и Лука добавляют к этому еще и слово «горько». Прошедшее не мертво. История настигает Петра. Каждая попытка отвернуться от Иисуса оборачивается неудачей. Потому что Иисус – это самое дорогое, что есть у него. Потому что Иисус держал его над водой, когда он мог вот-вот утонуть. Поэтому слезы. Он раскаивается в своем отречении и своем страхе. Из его большого «да» получается тройное «нет». Как человек может выдержать такое?

9 ноября мы вспоминаем также, как люди закрывали глаза на то, как горели магазины и синагоги². «Мы непричастны к этому», – говорили тогда слишком многие, они отворачивались и отрекались от своих еврейских соседей, коллег и друзей. Сегодня во многих местах

1 Цитата из Мих. 4 «Мечи на орала» („Schwerter zu Pflugscharen“) была с 1980 года в ГДР символом движения за мир и разоружение.

2 Речь идет о событиях «Хрустальной ночи» – массовом еврейском погроме по всей Германии в ночь с 9 на 10 ноября 1938 года.

Tränen von Petrus

Und Petrus war unten im Hof. Da kam eine von den Mägden des Hohenpriesters; und als sie Petrus sah, wie er sich wärmte, schaute sie ihn an und sprach: Und du warst auch mit dem Jesus von Nazareth.

Er leugnete aber und sprach: Ich weiß nicht und verstehe nicht, was du sagst. Und er ging hinaus in den Vorhof, und der Hahn krächte. Und die Magd sah ihn und fing abermals an, denen zu sagen, die dabeistanden: Dieser ist einer von denen. Und er leugnete abermals.

Und nach einer kleinen Weile sprachen die, die dabeistanden, abermals zu Petrus: Wahrhaftig, du bist einer von denen; denn du bist auch ein Galiläer. Er aber fing an, sich zu verfluchen und zu schwören: Ich kenne den Menschen nicht, von dem ihr redet.

Und alsbald krächte der Hahn zum zweiten Mal. Da gedachte Petrus an das Wort, das Jesus zu ihm gesagt hatte: Ehe der Hahn zweimal krächzt, wirst du mich dreimal verleugnen. Und er fing an zu weinen (Mk. 14,66-72).

In meiner Erinnerung raschelt der Sand unter den Füßen, ein kurzes Geräusch nur. Auch das Gefühl dieses Augenblicks ist mir heute, 38 Jahre später, nah und der Gedanke: „Hier setze ich keinen Fuß mehr hin. Bloß weg!“ Heute glaube ich, dass der Gedanke das Geräusch machte, das sich in meine Erinnerung eingeschlichen hat. Ein kurzes Innehalten, mit dem ich den Hof vor der Schule verließ. Sie gehörte zu den vielen „Polytechnischen Oberschulen“ in der ehemaligen DDR. Von der ersten bis zur zehnten Klasse lernte man nicht nur Lesen und Schreiben, sondern auch, wie man zu einer sozialistischen Persönlichkeit wird. Wer nicht den Kinder- und Jugendorganisationen angehörte und an der Jugendweihe teilnahm, wurde auf seinem Bildungsweg behindert.

So wollte ich die zehn Jahre, die ich dort verbrachte, einfach abschütteln und möglichst nicht mehr erinnert werden an das taube Empfinden, mit dem ich manchmal dort saß. Dieses Gefühl hatten zu jener Zeit viele Menschen im Osten Deutschlands. Es war das Gefühl, fremd zu sein im eigenen Land. Es trieb Menschen in die Flucht, innerlich und äußerlich.

Die Szene mit Petrus und der Magd erinnert mich daran: Bloß weg! Petrus wird bedrängt, erst von der Magd im Hof des Hohepriesters: „Du warst auch mit dem Jesus von Nazareth.“ Da sind beide noch im Zwiesgespräch. Dann nimmt die Szene Fahrt auf. Petrus läuft in den dunkleren Vorhof des Palastes. Der Sand unter seinen Füßen knirscht, während er sich wendet. Ein kurzer Moment, dann krächzt der Hahn zum ersten Mal. Die Magd bleibt ihm auf den Fersen und erzählt den Leuten, die sich dort aufhalten, wen sie vor sich haben. Der Höhepunkt ist fast erreicht, als auch diejenigen, die dabeistehen, Petrus als „einen von denen“ erkennen wollen. Galiläer, so sagen sie, erkennen wir am Dialekt. Sie sorgen für Aufruhr, so

wie dieser Jesus. Zu denen gehört Petrus doch. Sollte man ihn nicht auch wegsperren? Da krächzt der Hahn zum zweiten Mal. Seine Geschichte mit Jesus holt ihn wieder ein. Jesus hatte ihm, als er am vollmundigsten seine Treue schwor, Schwäche vorhergesagt.

Als „Insel im roten Meer“ hat eine Journalistin in einem Zeitungsartikel das Kirchliche Oberseminar in Potsdam-Hermannswerder beschrieben. Dort konnte ich ab 1981 von Lehrerinnen und Lehrern lernen, die selbst unter der Bildungspolitik der DDR gelitten hatten und aufgrund ihres Widerstands von den Schulen entfernt worden waren. Einer dieser Lehrer ließ uns über ein Zitat von Christa Wolf einen Aufsatz schreiben: „Das Vergangene ist nicht tot; es ist nicht einmal vergangen. Wir trennen es von uns ab und stellen uns fremd.“

Es war die Zeit des atomaren Wettrüstens, als die Aufmäher „Schwerter zu Pflugscharen“ verboten wurden und der Wehrkundeunterricht in den Schulen schon etabliert war. Innenstädte bröckelten vor sich hin und ganze Landstriche ächzten unter giftigem Abwasser und schlechter Luft. Das Vergangene war nicht vorbei, es behielt seine Macht und breitete sich in mir und in einem Land aus, das von ein paar alten, nicht demokratisch gewählten Männern regiert wurde.

Es war aber auch die Zeit der Friedensgebete, der Umweltgruppen und der Kirchentage. Viele Menschen drehten sich gerade nicht weg oder emigrierten innerlich, sondern waren dabei, das „fremde Land“ zurückzuerobern.

Auf dem Höhepunkt der biblischen Geschichte, beim zweiten Hahnenschrei, beginnt Petrus zu weinen. Matthäus und Lukas fügen dem noch ein „bitterlich“ hinzu. Das Vergangene ist nicht tot. Die Geschichte holt Petrus ein. Jeder Versuch, sich von

«Мечи на орала» – символ общественного движения за разоружение и мир в ГДР

„Schwerter zu Pflugscharen“ – das Symbol staatsunabhängiger Abrüstungsinitiativen und der Friedensbewegung in der DDR

Микеланджело Меризи де Караваджо «Отречение святого Петра». 1610

Michelangelo Merisi da Caravaggio „Die Verleugnung des Petrus“. 1610

→ мы наблюдаем, как эта история снова наступает нас. Мы слишком мало плакали или даже совсем не делали этого? Мы просто обошли это место и объявляем себя сегодня «невиновными»?

Слезы Петра важны для меня, это искреннее раскаяние человека, который очень ясно видит свою жалкую ситуацию. Он еще вступит в чертот радости, он будет проповедовать Воскресение Иисуса из мертвых и победу жизни над властями, которые забирают у людей свободу и воздух, которым они дышат. Воскресший даст ему поручение: «Паси овец моих!» Но сначала всё же текут слезы, должны течь слезы, чтобы очистить взгляд на искреннюю жизнь с Богом.

Когда этой осенью мы вспоминаем Мирную революцию 30 лет назад, на ум приходят наши первые слезы в то время. Картины происшедшего после открытия Стены останутся в памяти. Но я думаю о болезненных воспоминаниях после 7 и 8 октября в Берлине, когда демонстранты были арестованы с применением силы и их протоколы зачитывались в общинах. Когда затем 9 октября в Лейпциге свечи в руках победили оружие, это было для многих знаком новым началом.

Мои первые слезы после падения стены были печальными слезами радости. Я вышла из поезда в одном западно-немецком городе, меня встречала подруга, которая до этого навещала меня каждый год. Теперь я была у нее, такая радостная и всё же такая грустная, потому что так долго мне пришлось ждать этого момента.

30 лет, говорят, – это целое поколение. И кто-то уже спрашивает сегодня о смысле этого воспоминания. Тогда я думаю об этом мгновении – тогда на площадке перед школой и еще намного раньше на переднем дворе первосвященника. Эти уходящие следы в песке я нахожу еще сегодня. Они возникают там, где люди чувствуют себя отвергнутыми и исключенными, как я тогда на школьном дворе. Но я слышу их еще и там, где люди уверены в чем-то и затем терпят неудачу.

Падение
Берлинской стены
в ноябре 1989 года

Fall der Berliner
Mauer im November
1989

Теолог Карл Барт в этой связи обозначил ситуацию Петра как основную ситуацию человека перед Христом: «Истинные христиане – всегда притесняемые окружающим миром люди». Пётр заверял Иисуса, делая акцент на том, что ни в коем случае (даже если все остальные оставят Его) он – только не он! – не отступит от Него. Как же мог Иисус так думать о нем? Вот, также и Пётр, даже Пётр, скала, на которой Христос хочет построить Свою Церковь. Первые общины, которые читали этот текст, чувствовали во время их преследований большое утешение, которое они находили в отречении Петра.

Петух гордо кричит, словно насмехаясь над такой верой. Он украшает и сегодня многочисленные церковные башни и показывает не только направление ветра. Он указывает нам на ветреность как печальную возможность веры. Когда вера держит свой флажок по ветру удобного в данный момент курса.

Есть еще многое, что можно обсудить в связи с этим петухом. Ведь слезы я видела не только как слезы радости после падения Стены, но и как слезы от потери работы вскоре после событий 1989 года. В деревнях, где я была пастором общины, люди жили десятилетиями благодаря сельскому хозяйству. В одночасье рабочих мест не стало. Прошло уже 30 лет, целое поколение. Дети живут в новом времени. Но и они иногда оборачиваются назад, слыша рассказы стариков.

Здесь я думаю о слезах Петра. Они должны быть выплаканы: если не тогда, когда времена так быстро менялись, то сейчас. В слезах Петра есть шанс рассказывать историю другим и открыть ее для признания вины и исцеления. Слезы приобретают благодаря этому спасительную силу. Они говорят о том, что через них возникает новая задача, которая требует нашей вовлеченности и нашей верности. Об этой задаче нам рассказывает Иисус. Он доверяет предателю Петру укреплять его братьев и сестер по вере. Делать

сильными тех, кто слаб в вере, как он сам познал это с горечью тогда, когда хотел быть таким сильным. Это означает не что иное, как оставаться в контакте с теми, кто чувствует себя отпавшим или уже давно отрекся; не хвалить и не ругать, но внимательно смотреть и ждать, а иногда и набираться терпения. Прошедшее не мертво. Оно еще даже не прошло. ■

(Проповедь была опубликована в Новостном бюллетене Евангелической Церкви в Германии "EKD-Newsletter" 2 октября 2019 года. www.ekd.de)

Jesus abzuwenden, muss scheitern. Weil Jesus ihm das Liebste ist, was er hat. Weil Jesus ihn über Wasser hielt, als er zu versinken drohte. Darum die Tränen. Er bereut seine Abkehr und seine Furcht. Aus seinem großen Ja wurde ein dreifaches Nein. Wie soll ein Mensch das aushalten?

Am 9. November erinnern wir uns auch daran, wie Menschen wegschauten, als die Geschäfte und Synagogen brannten. „Damit haben wir nichts zu tun“ sagten damals zu viele Menschen, drehten sich weg und verleugneten ihre jüdischen Nachbarn, Kollegen und Freunde. Heute erleben wir an vielen Orten, wie uns diese Geschichte wieder einholt. Haben wir zu wenig geweint oder gar nicht? Sind wir einfach darüber hinweggegangen und erklären uns heute als „nicht mehr schuldig“?

Die Tränen des Petrus sind mir wichtig, die aufrichtige Reue eines Menschen, der mit großer Klarheit seine erbärmliche Situation sieht. Er wird noch einstimmen in die Freude, er wird die Auferstehung Jesu von den Toten predigen und den Sieg des Lebens über Mächte, die Menschen die Freiheit und die Luft zum Atmen nehmen. Der Auferstandene wird ihn beauftragen: „Weide meine Schafe!“ Doch zuvor fließen Tränen, müssen Tränen fließen, um den Blick für ein aufrichtiges Leben mit Gott frei zu bekommen.

Wenn wir uns in diesem Herbst an die Friedliche Revolution vor 30 Jahren erinnern, dann fallen uns unsere ersten Tränen in jener Zeit ein. Die Bilder nach der Öffnung der Mauer werden im Gedächtnis bleiben. Doch ich denke auch an die schmerzvollen Erinnerungen nach dem 7. und 8. Oktober 1989 in Berlin, als Demonstranten gewaltsam verhaftet und ihre Protokolle in den Gemeinden verlesen wurden. Als dann am 9. Oktober in Leipzig die Kerzen in den Händen über die Waffen siegten, war das für viele das Zeichen eines Neubeginns.

Meine ersten Tränen nach dem Mauerfall waren traurige Freudentränen. Ich stieg aus dem Zug in einer westdeutschen Stadt und wurde von einer Freundin empfangen, die mich bis dahin jedes Jahr besucht hatte. Jetzt war ich bei ihr, so froh und doch so traurig, dass ich auf diesen Moment so lange warten musste.

30 Jahre, so sagt man, sind eine Generation. Und manche fragen heute schon nach dem Sinn des Erinnerns. Da denke ich an diesen kurzen Moment, damals auf dem Platz vor der Schule und noch viel früher auf dem Hof des Hohepriesters. Diese Abwende-Spuren im Sand entdeckte ich doch heute auch noch. Sie entstehen dort, wo Menschen sich abgedrängt und ausgeschlossen fühlen, so wie ich damals auf dem Schulhof. Ich höre sie aber auch dort, wo Menschen sich ihrer Sache ganz sicher fühlen und scheitern.

Der Theologe Karl Barth hat in diesem Zusammenhang die Situation des Petrus als Grundsituation des Menschen vor Christus bezeichnet: „Wirkliche Christen (und Christinnen natürlich auch) sind immer von der sie umgebenden Welt her bedrückte Menschen.“ Petrus beteuerte Jesus mit Nachdruck, dass in keinem Fall (wenn doch die anderen ihn alle verlassen) er – er doch nicht! – von seiner Seite weicht. Wie kann Jesus nur so von ihm denken? Also

auch Petrus, sogar Petrus, der Fels, auf den Christus seine Kirche bauen will. Die ersten Gemeinden, die diesen Text lasen, spürten angesichts ihrer Verfolgung den großen Trost, der aus dem Versagen des Petrus kommt.

Der Hahn kräht stolz und wie zum Hohn bei solchem Glauben. Er schmückt auch heute zahlreiche Kirchtürme und zeigt nicht nur die Windrichtung an. Er weist uns auf die Windigkeit als eine traurige Möglichkeit des Glaubens hin. Wenn der Glaube sein Fähnlein in den Wind des jeweils Opportunen hängt.

Es gibt noch vieles unter dem Hahn zu besprechen. Denn Tränen sah ich nicht nur als Freudentränen nach dem Fall der Mauer, sondern auch als Tränen nach dem Verlust des Arbeitsplatzes ziemlich schnell nach 1989. In den Dörfern, in denen ich Gemeindepfarrerin war, lebten die Menschen über Jahrzehnte von der Landwirtschaft. Von einem Tag auf den anderen waren die Arbeitsplätze weg. Das ist nun 30 Jahre her, eine ganze Generation. Die Kinder lebten in die neue Zeit hinein. Auch sie drehen sich manchmal weg, wenn die Alten erzählen.

Da denke ich an die Tränen des Petrus. Sie müssen geweint werden, wenn nicht damals, als die Zeiten sich so schnell wandelten, dann heute. In den Tränen des Petrus liegt die Chance, die Geschichte weiter zu erzählen und offen zu halten für Schuldeingeständnisse und heilende Gesten. Tränen bekommen dadurch rettende Kraft. Sie erzählen davon, dass es durch sie hindurch einen neuen Auftrag gibt, der unser Engagement und unsere Treue verlangt. Von diesem Auftrag erzählt uns Jesus. Er traut dem Leugner Petrus zu, seine Brüder und Schwestern im Glauben zu stärken. Die stark machen, die im Glauben schwächeln, wie er es selbst auch ‚bitterlich‘ erfahren musste, als er doch so stark sein wollte. Das heißt doch nichts anderes als mit denen im Gespräch zu bleiben, die sich abgehängt fühlen oder längst abgekehrt haben; nicht alles schön oder schlecht zu reden, sondern genau hinzusehen und zu warten und manchmal auch auszuhalten. Das Vergangene ist nicht tot. Es ist noch nicht einmal vergangen. ■

Когда этой осенью мы вспоминаем Мирную революцию 30 лет назад, на ум приходят наши первые слезы в то время...

Wenn wir uns in diesem Herbst an die Friedliche Revolution vor 30 Jahren erinnern, dann fallen uns unsere ersten Tränen in jener Zeit ein...

(Die Predigt wurde im "EKD-Newsletter" vom 2. Oktober 2019 veröffentlicht. www.ekd.de)

«МЫ БЫЛИ ВИДИМЫМИ по ту сторону границы...»

Влияние евангелической Церкви в ГДР на перемены в стране

*Фридерике фон Кирхбах, пастор
общины св. Фомы, г. Берлин*

*Friederike von Kirchbach, Pastorin
der Gemeinde St. Thomas, Berlin*

В этом году исполняется 30 лет с того дня, как пала Берлинская стена. 7 октября 1989 года в г. Плауэне в регионе Фогтланд, в примерно 100 км к югу от Дрездена, прошла первая мирная большая демонстрация против государственной власти ГДР. Одновременно в Берлине в присутствии высокопоставленных представителей братских социалистических стран, включая Михаила Горбачёва, праздновалось 40-летие Германской Демократической Республики. Никто на тот момент не знал, что это будет последняя торжественно отмечаемая годовщина ГДР.

И мало кто знает сегодня об этом событии в Плауэне, которое вместе с другими демонстрациями по всей стране дало начало мирной революции в ГДР. Причина, по которой сначала даже никто не знал о радостном исходе плауэнской демонстрации, проста: там не присутствовали западные СМИ. То есть в фокусе общественного интереса был Лейпциг, а также Дрезден и, конечно, Берлин – но о Плауэне никто не думал. Но всё началось именно там. Там стало впервые понятно, что эту страницу можно перелистнуть. Очевидно и для социалистической государственной власти девиз «без насилия» мог означать выход из положения.

То, что эта демонстрация и многие последующие не закончились в хаосе арестов

и насилия, произошло благодаря мужественному выступлению представителей демонстрантов. Это были люди, которые в эти напряженные часы были готовы взять на себя ответственность. Весьма часто они были из рядов евангелической Церкви. Также и в Плауэне проявил себя суперинтендент Томас Кюттлер, который сумел успокоить разгневанных людей, а политическую сторону подготовить к переговорам.

То, что представители Церкви внезапно взяли на себя такие центральные роли в самом крупном политическом процессе последних 40 лет, удивительно. К 1989 году число прихожан уже ощутимо уменьшилось. Уже давно все христианские Церкви, вместе взятые, представляли в обществе лишь меньшинство.

За 30 лет появилось большое количество книг, которые описывают падение диктатуры пролетариата в ГДР и других странах «мировой социалистической системы». Многие из этого было уже исследовано научно, а что-то еще ожидает тщательного изучения. Вопрос о значении евангелической Церкви в эти дни рассматривается по-разному, а иногда и умышленно забывается. Кажется, что практикуемая еще во времена ГДР враждебность по отношению к Церкви смогла сохраниться и получить подпитку. До сегодняшнего дня.

Но всё же существенные доказательства по-прежнему очевидны. Без ведущей роли евангелической Церкви невозможно представить события такими, какими они были. То, что в новом тысячелетии на две важнейшие политические функции в нашем государстве – федерального президента (2012) и федерального канцлера (2005) – мы избирали людей, которые выросли в семьях евангелических пасторов в ГДР, не является историческим совпадением.

То, что в новом тысячелетии на две важнейшие политические функции в нашем государстве мы избирали людей, которые выросли в семьях евангелических пасторов в ГДР, не является историческим совпадением

„Wir waren sichtbar auf der anderen Seite der Grenze...“

Der Einfluss der evangelischen Kirche in der DDR auf die Wende

In diesem Jahr sind es schon 30 Jahre dass die Mauer gefallen ist.

Am 7. Oktober 1989 fand in Plauen im Vogtland, rund 100 km südlich von Dresden, die erste friedlich verlaufende Großdemonstration gegen die Staatsmacht der DDR statt. Zeitgleich wurde in Berlin unter Anwesenheit hochrangiger Vertreter der sozialistischen Bruderländer, inklusive Michael Gorbatschows, der 40. Jahrestag der Deutschen Demokratischen Republik gefeiert. Niemand wusste zu diesem Zeitpunkt, dass dies der letzte feierlich begangene Jahrestag der DDR werden würde.

Und nur Wenige wissen heute von diesem Ereignis in Plauen, welches zusammen mit anderen Demonstrationen im ganzen Land, die friedliche Revolution in der DDR einläutete. Der Grund dafür, dass zuerst einmal keiner von dem erfreulichen Ausgang der Plauener Demo erfuhr, ist einfach. Es waren keine

westlichen Medien vor Ort. Zwar war Leipzig im Fokus des öffentlichen Interesses, auch Dresden und natürlich Berlin – aber an Plauen hat keiner gedacht. Dort aber hat es angefangen. Dort wurde zuerst deutlich, dass das Blatt sich wenden kann. Auch für die sozialistische Staatsmacht konnte das Motto „keine Gewalt“ offensichtlich eine Lösung bedeuten.

Dass diese Demonstration und viele danach nicht in einem Chaos von Verhaftungen und Gewalt endeten, ist auch dem mutigen Auftreten von Vertreterinnen und Vertretern der Demonstranten zu danken. Das waren Menschen, die in diesen angespannten Stunden bereit waren, Verantwortung zu übernehmen. Auffällig oft kamen sie aus den Reihen der Evangelischen Kirche. Auch in Plauen war es am Ende der Superintendent Thomas Küttler, der die aufgebrachten Menschen zur Ruhe und die politische Seite zur Gesprächsbereitschaft bewegen konnte.

Dass wir im neuen Jahrtausend die beiden wichtigsten politischen Funktionen in unserem Staat mit Menschen besetzt haben, die aus einem evangelischen Pfarrhaus in der DDR stammen, ist kein historischer Zufall

Множество людей, которые осенью 1989 года от страха перед насильственными действиями или ради надежды на будущее, приходили в церкви, чтобы там молиться о мире, не забудут этого...

Die zahllosen Menschen, die im Herbst 1989 aus Angst vor gewaltvollen Entwicklungen oder aus Hoffnung für die Zukunft, Kirchen aufgesucht haben, um dort für den Frieden zu beten, werden das nicht vergessen...

→ Я уверена, что множество людей, которые осенью 1989 года от страха перед насильственными действиями или ради надежды на будущее приходили в церкви, чтобы там молиться о мире, не забудут этого.

Я лично благодарна за то, что я могла жить в такое исторически важное для моей страны время и немного участвовать в его событиях.

Я также выросла в семье пастора. Брак моих родителей стал результатом контактов в сети, которую образовала критически противостоящая национал-социализму Исполняющая церковь в Саксонии. Это, практически, является традицией нашей семьи – критически относиться к государству и его институтам.

Как раз именно у семей дворянского происхождения, таких, как семья моего отца, были сложности с оккупационными властями в тех регионах Германии, которые были заняты русскими вооруженными силами, потому что первые ошибочно воспринимались как представители национал-социалистической власти. Разные зоны оккупации существенно отличались друг от друга по тому, как в них относились к кажущейся таковой или действительно привилегированной до 1945 года части населения. Я не могу и не хочу здесь давать этому оценку. Но следствием этого было то, что часто как раз более высокие социальные слои во многих случаях очень быстро попытались избежать русского влияния.

Вскоре после окончания войны на Востоке начался непрекращающийся до 1961 года поток беженцев в другую, западную, часть Германии. Так было и в моей семье. А те, кто остался на Востоке, осознавали, что должны противопоставить что-то враждебному Церкви социализму.

Мой отец и моя мать были одними из них. Основание для того, чтобы остаться, было серьезным. Это был, по сути дела, вопрос веры, вид исповедания. Лютер указал на значение совести, и слушать ее голос считается по сей день одной из главных протестантских добродетелей.

Для моей биографии – и для биографии других трех детей в семье – это означало: еще до того, как я родилась, было ясно, что мы с самого начала не были «нормальной», то есть признанной, частью общества. Позже, когда мы стали старше, мы уже и не хотели быть ею, но наше детство было непростым. И вот школьное время вызывает во мне скорее тяжелые воспоминания. Дети хотят принадлежать к большинству, они хотят быть такими, как все остальные. Мы не были такими. Мы были другими, мы были в Церкви, которая была откровенно нежелательна.

Йенский теолог Клаус-Петер Герцш однажды сравнил роль Церкви в социалистическом обществе с болезнью, от которой не просто избавиться, но, тем не менее, все надеются, что рано или поздно исцелятся от нее.

Но всё же исцеление, произошедшее в нашем обществе после 1989 года, выглядело, слава Богу, иначе. Сегодня это проявляется в юридически основательно закрепленных отношениях между государством и Церковью как части демократии, которая коренится в Веймарской республике.

Но была и другая сторона реальности ГДР. На совсем иначе развивавшемся Западе были родственники и друзья, которым жилось лучше, чем нам. И они видели одну из своих первоочередных задач в том, чтобы поддержать нас.

Йенский теолог Клаус-Петер Герцш однажды сравнил роль Церкви в социалистическом обществе с болезнью, от которой не просто избавиться, но, тем не менее, все надеются, что рано или поздно исцелятся от нее

Мирная демонстрация в Плауэне 7 октября 1989 года

Friedliche Demonstration in Plauen am 7. Oktober 1989

В Берлине праздновалось 40-летие Германской Демократической Республики. Никто на тот момент не знал, что это будет последней торжественно отмечаемая годовщина ГДР

In Berlin wurde der 40. Jahrestag der Deutschen Demokratischen Republik gefeiert. Niemand wusste zu diesem Zeitpunkt, dass dies der letzte feierlich begangene Jahrestag der DDR werden würde...

Dass kirchliche Vertreter plötzlich so zentrale Rollen in der größten politischen Auseinandersetzung seit 40 Jahren einnahmen, ist erstaunlich. 1989 hatte die Zahl der Kirchenmitglieder schon erheblich abgenommen. Längst vertraten alle christlichen Kirchen zusammen nur noch eine Minderheit der Gesellschaft.

Seit 30 Jahren gibt es eine große Zahl von Büchern, die den Zusammenbruch der Diktatur des Proletariats in der DDR und in den anderen Ländern des „Sozialistischen Weltsystems“ schildern. Viel wurde davon auch schon wissenschaftlich aufgearbeitet und manches wartet noch auf gründlichere Bearbeitung. Die Frage nach der Bedeutung der Evangelischen Kirche in diesen Tagen wird unterschiedlich behandelt, gern auch absichtlich vergessen. Es scheint als ob eine schon zu DDR-Zeiten gepflegte Kirchenfeindlichkeit sich gut erhalten und nähren konnte. Bis heute.

Doch deutliche Beweise sind nach wie vor sichtbar. Ohne die tragende Rolle der Evangelischen Kirche sind die Ereignisse so, wie sie stattfanden, nicht vorstellbar. Dass wir im neuen Jahrtausend die beiden wichtigsten politischen Funktionen in unserem Staat – Bundespräsident (2012) und Bundeskanzlerin (2005) – mit Menschen besetzt haben, die aus einem evangelischen Pfarrhaus in der DDR stammen, ist kein historischer Zufall.

Und ich bin sicher, die zahllosen Menschen, die im Herbst 1989 aus Angst vor gewaltvollen Entwicklungen oder aus Hoffnung für die Zukunft, Kirchen aufgesucht haben, um dort für den Frieden zu beten, werden das nicht vergessen.

Ich persönlich bin dankbar dafür, dass ich eine historisch so wichtige Zeit für mein Land miterleben und in einem kleinen Teil mitgestalten konnte.

Auch ich stamme aus einem Pfarrhaus. Die Ehe meiner Eltern ist durch das Netzwerk entstanden, welches die, dem Nationalsozialismus kritisch gegenüber stehende, Bekennende Kirche in Sachsen, gebildet hatte. Es gehört quasi zur Tradition unserer Familie, dem Staat und seinen Institutionen gegenüber kritisch zu sein.

Auch machten gerade adlige Familien, wie die meines Vaters, in den Regionen Deutschlands, die

von russischen Streitkräften besetzt worden waren, schwere Erfahrungen mit den Besatzern, weil sie ungeprüft als Vertreter der nationalsozialistischen Herrscher verstanden wurden. Im Umgang mit den vor 1945 vermeintlich oder tatsächlich Privilegierten unterschieden sich die Besatzungszonen erheblich. Ich kann und will das an dieser Stelle nicht bewerten. Aber es hatte zur Folge, dass gerade die sozial höher stehenden Schichten oft sehr rasch versuchten, dem russischen Einfluss zu entkommen.

Schon sehr bald nach Kriegsende begann im Osten eine bis 1961 nicht endende Fluchtbewegung in den anderen, westlichen Teil Deutschlands. Das war auch in meiner Familie so. Und jene, die im Osten blieben, taten das im Bewusstsein, dass es gilt, dem kirchenfeindlichen Sozialismus etwas entgegen zu setzen.

Mein Vater und meine Mutter gehörten dazu. Die Begründung für das Dableiben wog schwer. Es war letztlich eine Glaubensfrage, eine Art Bekenntnis. Luther hat die Bedeutung des Gewissens vor Augen geführt und auf dieses zu hören, zählt bis heute zu den großen protestantischen Tugenden.

Für meine Biographie – und die meiner drei Geschwister – hieß das: Noch bevor ich geboren wurde war klar, dass wir von Anfang an kein „normaler“, d.h. anerkannter, Teil der Gesellschaft waren. Später, größer geworden, wollten wir das auch nicht mehr sein, aber unsere Kindheit war nicht einfach. Gerade die Schulzeit ist bei mir eher in düsterer Erinnerung. Kinder wollen dazu gehören, wollen so wie die anderen sein. Wir waren das nicht. Wir waren anders, wir waren bei der Kirche, die erkennbar nicht gewünscht war.

Der Jenaer Theologe Klaus Peter Hertzsch hat die Rolle der Kirche in der sozialistischen Gesellschaft einmal mit einer Krankheit verglichen, einer Krankheit, die man nicht leicht los wird, von der man aber hofft, früher oder später geheilt zu sein.

Doch was dann an Heilung nach 1989 für unsere Gesellschaft kam, sah, Gott sei Dank, anders aus. Es zeigt sich heute in einem rechtlich solide geklärten Staats-Kirche-Verhältnis, als Teil einer Demokratie, die ihre Wurzeln in der Weimarer Republik hat.

Der Jenaer Theologe Klaus Peter Hertzsch hat die Rolle der Kirche in der sozialistischen Gesellschaft einmal mit einer Krankheit verglichen, einer Krankheit, die man nicht leicht los wird, von der man aber hofft, früher oder später geheilt zu sein

Эта поддержка, продолжавшаяся более сорока лет, до сих пор недооценена. Это, определенно, одно из очень больших различий с другими «братскими странами» бывшей мировой социалистической системы. У нас, восточных немцев, за железным занавесом были люди, которые интенсивно помогали нам.

Прежде всего, в посылках или лично на деловых или частных встречах они дарили нам предметы и продукты ежедневного потребления, которых у нас обычно не было, – бананы, шоколад, кофе или что-нибудь красивое из одежды. Иногда контрабандой перевозили даже книги, несмотря на малопривлекательный пограничный контроль. Основная часть моей теологической специальной литературы пришла ко мне как подарок из Запада.

И тот, у кого были вещи с Запада, находился в привилегированном положении. Это проявлялось уже у детей. Благодаря «настоящим джинсам» авторитет в классе сразу поднялся на несколько пунктов – мой красивый западный внешний вид немного компенсировал странную «церковную ауру», окружавшую меня. Хотя это создавало другой вид несправедливости. Не у каждого были такие родственники, как в моей семье, которые оказывали поддержку с такой любовью.

Западные продукты, такие как кофе, сигареты или шнапс, или даже западные деньги, служили помощью в решении всех сложных вопросов повседневной жизни. Мастера любили приходить в дом пастора. Работы в домах общин и церквях, которые мой отец отремонтировал за время своего служения, никогда бы не были закончены без этой поддержки.

Оглядываясь назад, я нахожу еще более важным то, что мы могли тогда – насколько возможно эффективно – коммуницировать между собой как церковные общины. И здесь также существенно помогала поддержка западных общин. Во многих церковных общинах стояли копировальные аппараты, подаренные какой-либо западно-немецкой партнерской общиной. Немало коллег ездили на машинах, которые были куплены на западные деньги, даже если по ним этого не было заметно. Такое я наблюдала в сфере молодежной работы в Саксонии.

И это только материальная сторона помощи с Запада.

Интерес западных СМИ был целиком связан с интересом Церквей к нам. Мы были видимыми для наших сестер и братьев по ту сторону границы. Поэтому социалистической государственной власти не удалось сделать нас невидимыми.

Причины, которые в итоге привели к падению стены, разнообразны. Евангелическая Церковь в Восточной и Западной Германии сыграла решающую роль. Разделение Германии смогло быть преодолено, потому что было много тех, кто все годы вплоть до падения Стены, несмотря на некоторые трудности, держал связь друг с другом. ■

Мы были видимыми для наших сестер и братьев по ту сторону границы. Поэтому социалистической государственной власти не удалось сделать нас невидимыми

Wir waren sichtbar für unsere Schwestern und Brüder auf der anderen Seite der Grenze. Deshalb gelang es der sozialistischen Staatsmacht nicht, uns unsichtbar zu machen

Doch es gab auch die andere Seite der DDR-Realität. Im sich völlig anders entwickelten Westen lebten Verwandte und Freunde, denen es bald besser ging als uns. Und jene sahen eine ihrer vornehmsten Aufgaben darin, uns zu unterstützen.

Diese Unterstützung über 40 Jahre der Trennung hinweg, ist bisher zu wenig gewürdigt worden. Das ist sicher einer der ganz großen Unterschiede zu den anderen „Bruderländern“ des ehemaligen sozialistischen Weltsystems. Wir Ostdeutschen hatten hinter dem eisernen Vorhang Menschen, die uns intensiv geholfen haben.

Zum einem wurden uns in Form von Paketen oder bei dienstlichen und privaten Begegnungen Dinge des täglichen Bedarfs geschenkt, die es sonst bei uns so nicht gab – Bananen, Schokolade, Kaffee oder das eine oder andere schöne Kleidungsstück. Manchmal wurden sogar Bücher geschmuggelt, trotz der unerfreulichen Grenzkontrollen. Der Hauptanteil meiner theologischen Fachliteratur kam als Spende aus dem Westen.

Und wer Sachen aus dem Westen hatte, war privilegiert. Das war schon bei Kindern so. Mit „echten Jeans“ stieg das Ansehen in der Klasse gleich um mehrere Punkte – meine schöne Westausstattung hat einiges von dem merkwürdigen Kirchengeschmack, der mich umgab, kompensiert. Auch wenn es eine andere Art von Ungerechtigkeit brachte. Nicht jeder hatte so liebevoll unterstützende Verwandte, wie es in meiner Familie der Fall war.

Westprodukte wie Kaffee, Zigaretten oder Schnaps, oder gar Westgeld, waren hilfreich bei der Organisation aller schwierigen Fragen des täglichen Lebens. Die Handwerker kamen gern ins Pfarrhaus. Die Gemeindehäuser und Kirchen, die mein Vater in der Zeit seines Dienstes renovierte, wären ohne diese Unterstützung nie fertig geworden.

Rückblickend scheint mir noch wichtiger zu sein, dass wir als Kirchengemeinden möglichst effektiv kommunizieren konnten. Auch da half die Unterstützung der westlichen Gemeinden erheblich. In vielen Kirchengemeinden standen Vervielfältigungsgeräte, die von einer westdeutschen Partnergemeinde gespendet worden waren. Nicht wenige Kolleginnen und Kollegen fuhren Autos, die ursprünglich mit Westgeld bezahlt wurden, auch wenn man ihnen das nicht ansah. So habe ich es in der Landesjugendarbeit Sachsens erlebt.

Und das ist nur die materielle Seite der Hilfe aus dem Westen.

Das Interesse der westlichen Medien stand durchaus im Zusammenhang mit dem Interesse der Kirchen an uns. Wir waren sichtbar für unsere Schwestern und Brüder auf der anderen Seite der Grenze. Deshalb gelang es der sozialistischen Staatsmacht nicht, uns unsichtbar zu machen.

Die Gründe, die am Ende zum Mauerfall führten, sind vielfältig. Die evangelische Kirche in Ost- und Westdeutschland spielte eine entscheidende Rolle. Die Teilung Deutschlands konnte überwunden werden, weil es viele gab, die die ganzen Jahre bis zum Mauerfall, trotz mancher Erschwernisse, die Verbindung gehalten haben. ■

Стены

Стены могут
Оберегать и защищать,
Скреплять и поддерживать.

Но стены также могут
Разделять и изолировать,
Не подпускать и быть непреодолимыми.

Где такие стены во мне?
Какие из них я должен сломать?
С каких камней я должен начать?
Из каких я мог бы построить мост?

Боже, как много стен я построил в себе самом,
Некоторые стали силой привычки,
Любимым предрассудком.

Даруй мне силу, чтобы разрушить их!

Аминь.

Mauern

Mauern können
Schutz bieten und abwehren,
Zusammenhalten und stützen.

Mauern können aber auch
trennen und isolieren,
fern halten und unüberwindbar sein.

Wo sind diese Mauern in mir?
welche sollte ich einreißen?
Bei welchen Steinen könnte ich beginnen?
Aus welchen könnte ich eine Brücke bauen?

Gott, so manche Mauer habe ich in mir aufgebaut,
manche ist zur Macht der Gewohnheit geworden,
zum lieb gewonnenen Vorurteil.

Schenke mir die Kraft zu ihrer Zerstörung!

Amen.

В этом году мы вспоминаем еще одну дату – дату трагическую. Ровно 80 лет назад – 1 сентября 1939 года – началась Вторая мировая война, одним из последствий которой стало разделение Европы на долгие десятилетия.

Эта молитва-прошение была прочитана 31 августа 2019 года на международном экуменическом богослужении в евангелической церкви св. Троицы в Варшаве, которое было посвящено воспоминанию о начале Второй мировой войны.

Даруй нам силу памяти

Господи, Боже наш, Ты Бог верности.
Благодарим Тебя за людей,
Которые приготовили путь понимания.
Даруй нам силу памяти,
Которая поможет нам совместно строить будущее.
Боже верности: помилуй!

Господи, Боже наш, Ты Бог жизни.
Тебе приносим мы нужду этого мира, который во многих местах
Сотрясается от несправедливости и насилия,
Войны и террора. Укрой усопших на лоне Твоем
И перевяжи раны выжившим.
Боже жизни: помилуй!

Господи, Боже наш, Ты Бог правды.
Мы благодарим Тебя за искренние свидетельства
И за мужественное исповедание. Укрепи нас,
Чтобы популизм и национализм
Не распространялись.
Боже правды: помилуй!

Господи, Боже наш, Ты Бог примирения.
Тебе приносим мы сложные отношения между
Людьми разной национальности, религии,
Языков и культур в нашем мире. Помоги
Пониманию там, где живет молчание,
Где царят недоверие и раздоры.
Боже примирения: помилуй!

Господи, Боже наш, Ты Бог будущего.
Благодарим Тебя за Твое благословение, Которое позволяет
Нам ступать на новые пути. Веди нас, людей,
Навстречу друг другу
Через границы языка и культуры,
Религии и конфессии,
К миру на земле.
Боже будущего: помилуй!

Господи, Боже наш, Ты Бог мира.
Восемьдесят лет минуло в этом году
Ужасам Второй мировой войны, и мы чувствуем,
Какой опасности подвержен мир в Европе и с каким усердием
Мы должны его оберегать. Помоги нам быть ответственными,
Укрепи нас в терпении и направь наши шаги
Навстречу миру.
Боже мира: помилуй!
Аминь.

Dieses Jahr erinnern wir uns an ein weiteres Datum, und zwar an ein tragisches. Vor genau 80 Jahren, am 1. September 1939, begann der Zweite Weltkrieg, welcher unter anderem zu einer jahrzehntelangen Teilung Europas führte.

Dieses Fürbittengebet wurde am 31. August 2019 in der evangelischen Dreifaltigkeitskirche in Warschau bei einem internationalen ökumenischen Gottesdienst gesprochen, welcher der Erinnerung an den Beginn des Zweiten Weltkriegs gewidmet war.

Schenke uns die Kraft der Erinnerung

Herr, unser Gott, du bist ein Gott der Treue.
Dir danken wir für die Menschen,
die der Verständigung den Weg bereitet haben.
Schenke uns die Kraft der Erinnerung,
die uns gemeinsam Zukunft gestalten hilft.
Gott der Treue: Erbarme dich!

Herr, unser Gott, du bist ein Gott des Lebens.
Dir klagen wir die Not der Welt, die vielerorts
von Unrecht und Gewalt, von Krieg und Terror
erschüttert wird. Birg die Toten in deinem Schoß
und verbinde die Wunden der Hinterbliebenen.
Gott des Lebens: Erbarme dich!

Herr, unser Gott, du bist ein Gott der Wahrheit.
Wir danken dir für die aufrichtigen Zeugnisse
und das mutige Bekenntnis. Stärke uns darin,
damit Populismus und Nationalismus nicht an
Boden gewinnen.
Gott der Wahrheit: Erbarme dich!

Herr, unser Gott, du bist ein Gott der Versöhnung.
Dir klagen wir die verwirrten Beziehungen zwischen
Menschen verschiedener Nationalitäten, Religionen,
Sprachen und Kulturen in unserer Welt. Hilf zur
Verständigung, wo Schweigen ist, wo Misstrauen
und Zwietracht herrschen.
Gott der Versöhnung: Erbarme dich!

Herr, unser Gott, du bist ein Gott der Zukunft.
Wir danken dir für deinen Segen, der uns neue Wege
beschreiten lässt. Führe uns Menschen aufeinander
zu über die Grenzen von Sprache und Kultur,
von Religion und Konfession hinweg, dem Frieden
der Welt entgegen.
Gott der Zukunft: Erbarme dich!

Herr, unser Gott, du bist ein Gott des Friedens.
Achtzig Jahre liegen die Schrecken des Zweiten
Weltkrieges in diesem Jahr zurück und wir ahnen,
wie gefährdet, ja wie sorgsam zu pflegen der
Frieden in Europa ist. Hilf uns zur Verantwortung,
stärke die Ausdauer und leite unsere Schritte dem
Frieden entgegen.
Gott des Friedens: Erbarme dich!
Amen.

Э то стихотворение немецко-израильский писатель, журналист и теолог Шалом Бен-Хорин (Фритц Розенталь) написал в 1942 году в Палестине, куда он репатрировался из нацистской Германии в 1935 году. В то время, когда в Европе гибнут его соплеменники, единственным утешением для писателя становится надежда. Ее символом в этом стихотворении является ветка миндаля.

На Святой Земле миндаль зацветает уже в январе – первым среди деревьев. Поэтому он олицетворяет возрождение жизни. Сначала на миндальном дереве появляются цветы, а потом уже листья. Миндаль – вестник весны и нового начала среди еще зимнего пейзажа.

Ветка миндаля – это также и библейский символ. «И было слово Господне ко мне: что видишь ты, Иеремия? Я сказал: вижу жезл миндального дерева. Господь сказал мне: ты верно видишь; ибо Я бодрствую над словом Моим, чтоб оно скоро исполнилось» (Иер. 1,11–12). Перевод этого отрывка не отображает игру слов в оригинальном тексте.

Слово «шакед» («миндальное дерево») в 11-м стихе на древнееврейском созвучно слову «шокед» («Я бодрствую») в следующем стихе. То есть миндаль становится символом того, что Бог не оставил этот мир. Об этом не мог не знать воспитанный в еврейской традиции Шалом Бен-Хорин.

Шалом Бен-Хорин долгие годы преподавал в университетах Израиля и Германии и оставил после себя большое литературное наследие на немецком и иврите. Также он был основателем первой в Израиле общины реформистского иудаизма и внес большой вклад в иудейско-христианский диалог. ■

Д иeses Gedicht schrieb der deutsch-israelische Schriftsteller, Journalist und Theologe Schalom Ben-Chorin (Fritz Rosenthal) im Jahr 1942 in Palästina, wohin er 1935 aus Nazideutschland ausgewandert war. Zu jener Zeit, als seine Volkszugehörige in Europa umkommen, wird die Hoffnung für den Schriftsteller zum einzigen Trost. Das Symbol dafür ist in diesem Gedicht der Mandelzweig.

Im Heiligen Land beginnt der Mandelbaum schon im Januar zu blühen – als erster Baum. Deshalb verkörpert er die Wiedergeburt des Lebens. Zuerst erscheinen am Mandelbaum die Blüten, erst dann die Blätter. Der Mandelbaum ist ein Bote des Frühlings und eines Neuanfangs inmitten einer noch winterlichen Landschaft.

Der Mandelzweig ist auch ein biblisches Symbol. „Und es geschah des Herrn Wort zu mir: Jeremia, was siehst du? Ich sprach: Ich sehe einen erwachenden Zweig. Und der Herr sprach zu mir: Du hast recht gesehen; denn ich will wachen über meinem Wort, dass ich's tue.“ (Jer. 1,11-12). Im Original enthält dieser Textabschnitt ein Wortspiel.

„Einen erwachenden Zweig“ heißt im Originaltext wörtlich übersetzt „einen Stock des Mandelbaums“. Das Wort „Schaked“ (Mandelbaum) klingt im Hebräischen an „Schoked“ („ich wache“) im nächsten Vers an. Der Mandelbaum wird also zum Symbol dafür, dass Gott diese Welt nicht verlassen hat. Das war dem in jüdischer Tradition erzogenen Schalom Ben-Chorin mit Sicherheit bekannt.

Schalom Ben-Chorin war jahrelang Dozent an Universitäten Israels und Deutschlands und ließ ein großes literarisches Erbe auf Deutsch und Iwrit zurück. Außerdem war er der Gründer der ersten reformiert-jüdischen Gemeinde in Israel und leistete einen großen Beitrag zum jüdisch-christlichen Dialog. ■

Шалом Бен-Хорин
(1913–1999)
Schalom Ben-Chorin
(1913–1999)

Знак

Вновь, друзья, миндаль в цвету,
Зеленеет вновь,
Это ли не знак, что тут
Всё ещё любовь?

И что жизни не конец
Средь кровавых рек,
Знак – отрадный для сердец
В наш полночный век.

Гибнут люди на войне,
Ранена Земля,
Но победна по весне
Ветка миндаля.

Вновь, друзья, миндаль в цвету
Ветви клонит вниз,
Это знаком я сочту:
Победила жизнь!

(Перевод Николая Сергеева)

Das Zeichen

Freunde, dass der Mandelzweig
wieder blüht und treibt,
ist das nicht ein Fingerzeig,
dass die Liebe bleibt?

Dass das Leben nicht verging,
so viel Blut auch schreit,
achtet dieses nicht gering
in der trübsten Zeit.

Tausende zerstampft der Krieg,
eine Welt vergeht.
Doch des Lebens Blütensieg
leicht im Winde weht.

Freunde, dass der Mandelzweig
sich in Blüten wiegt,
das bleibt mir ein Fingerzeig
für des Lebens Sieg.

(1942)

Сценка ко Дню св. Мартина

Действующие лица: рассказчик, римский офицер Мартин, нищий, прохожие.

Рассказчик сидит на стуле и держит в руках большую толстую книгу, из которой он якобы читает текст.

Рассказчик: Была очень холодная ночь. Зима в 338 году выдалась длинная и суровая. Многие умерли тогда. У ворот города Амьен нищий молит о помощи проходящих мимо. Из одежды на нем – только мешок, он вот-вот замерзнет. Но никто не обращает на него внимания.

Пока рассказчик читает, прохожие ходят вокруг нищего. Жестами он просит их о помощи. Они остаются равнодушными к его мольбам, иногда отталкивают. И вот нищий уже лежит без сил на земле. Прохожие образуют полукруг вокруг него.

Рассказчик: И вот, к городским воротам подъезжает на лошади римский офицер Мартин.

Мартин в красном плаще на игрушечной лошадке на палочке медленно приближается к остальным. Прохожие раскрывают полукруг. Мартин «подъезжает» к бедняку и остается стоять возле него на своей «лошади».

Нищий (выпрямляясь во весь рост): О, господин солдат! Помогите же мне! Мне ужасно холодно, стужа погубит меня!

Прохожие кричат: «Да-да, они все так говорят!» – «Мне тоже холодно!» (смех) – «Я бы ничего ему не дал!» – «Кто знает, что он сделает с вещами!» – «Актер!» – «Обманщик!»

Мартин (сердито смотрит на прохожих и потом переводит взгляд на нищего): «Мне очень жаль, но у меня нет времени! Мне предстоит дальний путь!»

Нищий (печально): «Мне так невыносимо холодно. Я уже не чувствую пальцев на руках и на ногах!»

Мартин: «Но пойми же, вещи, которые на мне, принадлежат императору! У меня нет ничего, что принадлежит мне!»

Нищий (плача): «Моя смерть пришла! Никто не хочет мне помочь. Никто не может мне помочь».

Рассказчик: Люди, оставшиеся там, чтобы посмотреть, что скажет и сделает римский офицер, внезапно стихли.

Прохожие смущенно смотрят на происходящее или же опускают головы. Нищий снова ложится на землю, ноет и стонет. Мартин сходит с лошади, подходит к нищему и кладет свою ладонь ему на руку.

Мартин (испугано): Какой же ты холодный! Кончики твоих пальцев уже совсем синие. Что случилось?

Нищий (медленно рассказывает): Разбойники напали на меня. Они забрали мои деньги! Они избili меня! Они разорвали мою одежду и оставили лежать полуголого.

Прохожие кричат: «Разбойники? Скорее отсюда!» – «Да, бежим!» – «Я не хочу закончить, как этот!» – «Господин офицер, надо немедленно бежать отсюда!»

Мартин (очень сердито): «Так идите же! Этот человек в нужде!»

Нищий (молит): «Пожалуйста, пожалуйста, господин офицер, помогите же мне!»

Мартин (рассуждает вслух): Что со мной может произойти, если я поделюсь плащом? Три дня ареста за разрушение собственности императора. Что такое три дня ареста ради человеческой жизни?»

Прохожие кричат: «Мы сообщим это коменданту!» – «Он сошел с ума, он тогда сам замерзнет!» – «Он покушается на чужую собственность!»

Рассказчик: И всё же Мартин твердо решил помочь нищему. Он снимает свой плащ и разрезает его своим мечом.

Мартин снимает плащ и разрывает его деревянным мечом. Потом он укутывает нищего половинкой плаща. Прохожие возмущены и качают головами.

Мартин (громко и четко): Я не хочу быть виновным в том, что ты не переживешь ночь. Если другие отводят глаза, я не могу и не хочу поступать так, как они!

Нищий (встает): Спасибо, господин, огромное спасибо! Нищий медленно уходит.

Рассказчик: Мартин надевает на себя вторую половинку плаща и уезжает. И прохожие расходятся в разные стороны. Одни задумчивы, другие качают головой.

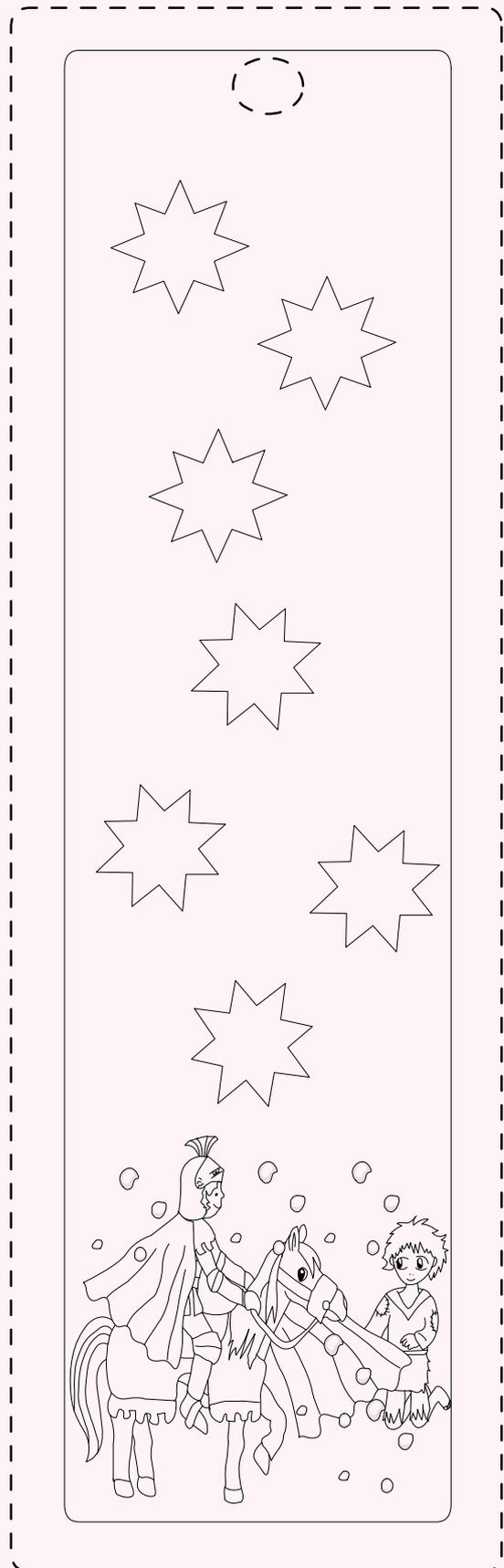
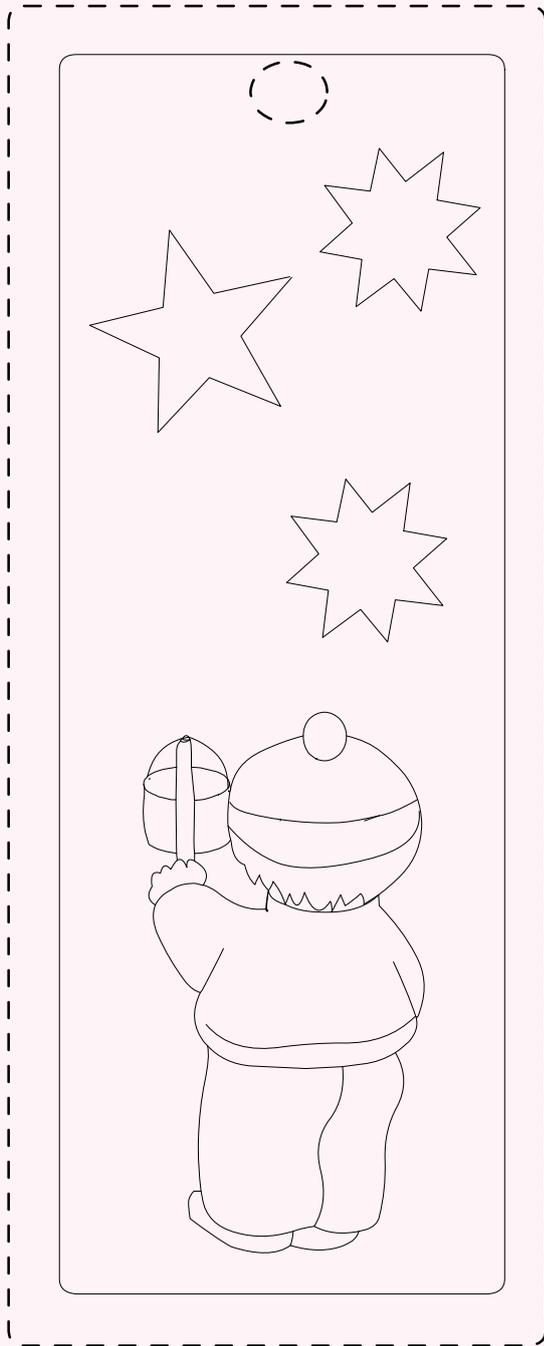
Все актеры покидают место действия, расходясь в разные стороны. Рассказчик остается.

Рассказчик: В ближайшую ночь Мартину приснился сон: Иисус Христос со Своими ангелами пришел к нему. На Христе была половинка плаща, которую Мартин отдал бедняку. Иисус сказал ангелам: «Смотрите, это Мартин. Он – не христианин. Но, несмотря на это, он укутал меня плащом и спас мне жизнь». Мартин истолковал этот сон как призыв оставить службу. Вместо этого он крестился и стал позже епископом Турским.

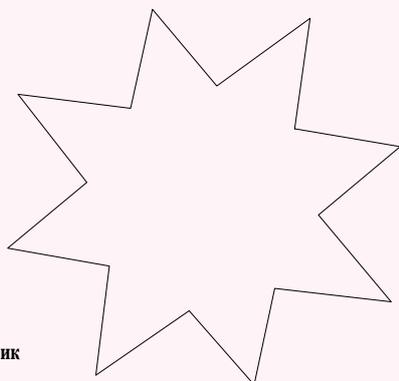

Закладки для книг ко Дню св. Мартина

Ты любишь читать книги? Вырежи по трафаретам закладки ко Дню св. Мартина и раскрась их!

www.kidsweb.de

Главные заповеди

В этом номере мы, вспоминая о 30-летию падения Берлинской стены, затрагиваем тему жизни христианина в секуляризованном обществе. Об этом рассуждает в своей статье и пропст Елена Бондаренко, основываясь на отрывке из Евангелия от Марка.

Елена Бондаренко, к.ф.н., пропст Центрального пропства Евангелическо-Лютеранской Церкви Европейской части России, г. Москва

Dr. Elena Bondarenko, Pröpstin der Zentralen Propstei der Evangelisch-Lutherischen Kirche Europäisches Russland, Moskau

Нам часто представляется, что если мы хотим жить духовной жизнью, то надо обязательно поменять одежду, надеть какие-то отличительные религиозные знаки, принести этот новый образ жизни в жертву Богу

У всех нас сложилось представление, что религиозная жизнь – это исполнение каких-то обрядов, принесение жертв – необязательно кровавых. Это может быть жертва своим временем, личным пространством, образом жизни, чем-то еще.

Нам часто представляется, что если мы хотим жить духовной жизнью, то надо обязательно поменять одежду, надеть какие-то отличительные религиозные знаки, принести этот новый образ жизни в жертву Богу.

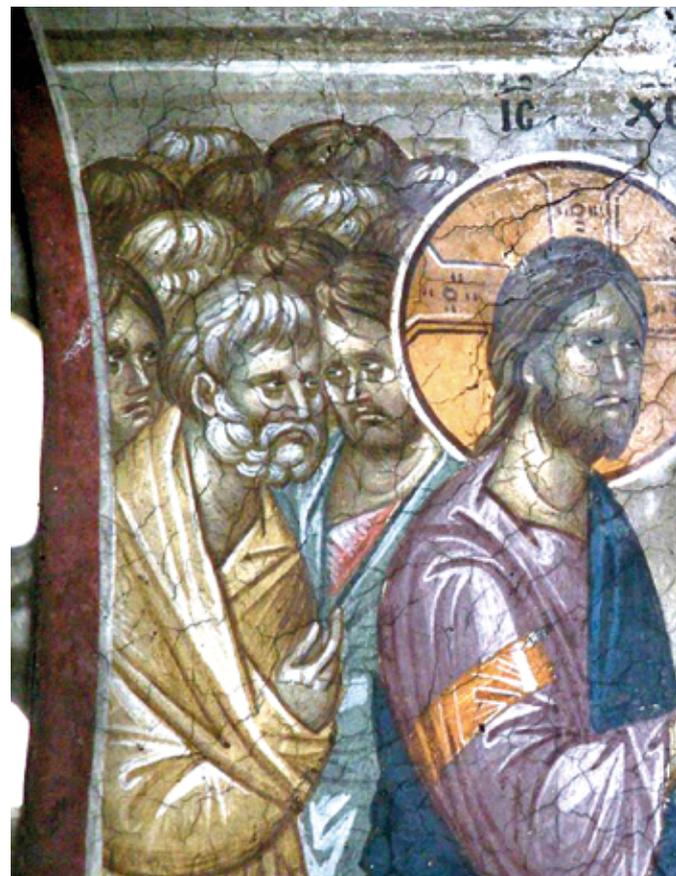
Такие представления не возникают на пустом месте. Они существуют вследствие религиозной традиции. Об этом свидетельствуют слова книжника в евангельском тексте: «Любить Бога и ближнего – есть больше всего жений и жертв» (Мк. 12,33).

Книжник не случайно говорит так. В его мире религия означала литургию в храме, принесение жертв (животных или хлебных, или воскурение фимиама – самые разные формы). Люди верили в то, что Богу Израиля были нужны эти жертвы, потому что они доказывали веру народа, его

любовность Богу и были необходимой формой общения с Ним.

Родители Иисуса соблюдали все предписания иудейской веры, приносили жертвы, посещали Храм. Сам Иисус посещал Храм и соблюдал закон. В Евангелиях немного написано о религиозной практике Самого Иисуса, но мы находим достаточно интересных фактов: Иисус ходил в Храм и соблюдал праздники.

В Евангелии от Иоанна, например, мы читаем: «Приближалась Пасха иудейская, и Иисус пришел в Иерусалим» (Ин. 2,13). Иисус ходил в синагоги: «И пришел в Назарет, где был воспитан, по обыкновению Своему, в день субботний в синагогу, и встал читать» (Лк. 4,16). Иисус молился: «А утром, встав весьма рано, вышел и удалился в пустынное место, и там молился» (Мк. 1,35).

Проповедь Христа книжникам и фарисеям.
Фреска. XIV в., Сербия

Christus predigt den Schriftgelehrten und Pharisäern.
Freske. 14. Jhr., Serbien

Die höchsten Gebote

In diesem Heft denken wir an das 30jährige Jubiläum des Mauerfalls und berühren damit das Thema: Leben des Christen in einer säkularisierten Gesellschaft. Darüber denkt auch Pröpstin Elena Bondarenko in ihrem Artikel nach, gestützt auf einen Abschnitt aus dem Markusevangelium.

Wir alle haben die Vorstellung, das religiöse Leben sei die Einhaltung irgendwelcher Riten, das Opfern – nicht unbedingt blutig. Man kann zum Beispiel Zeit, Privatraum, Lebensweise oder sonst etwas opfern.

Wir haben häufig die Vorstellung: Wenn wir ein geistliches Leben führen wollen, müssen wir unbedingt andere Kleidung tragen, irgendwelche religiösen Kennzeichen anlegen und diese neue Lebensweise Gott als Opfer darbringen.

Diese Vorstellungen kommen nicht von ungefähr. Sie existieren als Folge der religiösen Tradition. Davon zeugen die Worte des Schriftgelehrten im Evangeliumstext: „Gott und seinen Nächsten zu lieben ist mehr als Brandopfer und Schlachtopfer“ (Mk 12,33).

Der Schriftgelehrte sagt das nicht zufällig, denn in seiner Welt bedeutete Religion die Liturgie im Tempel, das Opfern (von Tieren und Broten sowie das Räuchern mit Weihrauch – ganz unterschiedliche Formen). Die Menschen glaubten daran, der Gott Israels habe diese Opfer nötig, weil sie den Glauben des Volkes und seine Loyalität Gott gegenüber bewiesen und eine notwendige Form der Gemeinschaft mit ihm waren.

Jesu Eltern hielten alle Vorschriften des jüdischen Glaubens ein, brachten Opfer, besuchten den Tempel. Jesus selbst ging in den Tempel und hielt das Gesetz ein. In den Evangelien steht nicht viel über die religiöse Praxis bei Jesus selbst, aber wir finden genügend interessante Tatsachen: Jesus ging in den Tempel und hielt die Feiertage ein.

Im Johannesevangelium lesen wir zum Beispiel: „Und das Passafest der Juden war nahe, und Jesus zog hinauf nach Jerusalem.“ (Joh. 2,13). Jesus ging auch in die Synagogen: „Und er kam nach Nazareth, wo er aufgewachsen war, und ging nach seiner Gewohnheit am Sabbat in die Synagoge und stand auf und wollte lesen.“ (Lk, 4,16). Jesus betete: „Und am Morgen, noch vor Tage, stand er auf und ging hinaus. Und er ging an eine einsame Stätte und betete dort.“ (Mk. 1,35)

Am Schluss der Evangelien lesen wir detailliert, wie Jesus mit seinen Jüngern das Passahfest feiert. Wir können annehmen, dass er es wie alle frommen Juden jedes Jahr mit dem Passahmahl und allen Bräuchen feierte. Erst im allerletzten Jahr seines Lebens, beim Passahfest direkt vor seinem Tod, gab er den alten Bräuchen eine neue Bedeutung und offenbarte den Jüngern das Geheimnis des Neuen Bundes in seinem eigenen Leib und Blut.

Wie alle Gläubigen aller Zeiten lebte Jesus nach den religiösen Bräuchen seines Volkes. Aber das Einhalten des Gesetzes war für ihn nicht der Weg zum Heil, nicht die Priorität im Glaubensleben, sondern eine Lebensweise und ein Mittel zur Gemeinschaft mit Gott und den Menschen.

Wir haben häufig die Vorstellung: Wenn wir ein geistliches Leben führen wollen, müssen wir unbedingt andere Kleidung tragen, irgendwelche religiösen Kennzeichen anlegen und diese neue Lebensweise Gott als Opfer darbringen

→ В конце Евангелий мы читаем подробно о том, как Иисус празднует Пасху со Своими учениками. Мы можем предположить, что Он праздновал ее, как все благочестивые иудеи, каждый год, с пасхальной трапезой, со всеми обычаями. Только в самый последний год Своей жизни, непосредственно в Пасху перед смертью, Он вложил новое понимание в старые обычаи и открыл ученикам тайну Нового Завета в Его собственных плоти и крови.

Иисус, как все верующие всех времен, жил по религиозным обычаям своего народа. Но соблюдение Закона для Него было не путем к спасению, не приоритетом в жизни веры, а образом жизни, средством для общения с Богом и людьми.

Смысл религиозной жизни Он выразил в Своем учении: «И возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим, и всею крепостию твоею, – вот первая заповедь! Вторая подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя. Иной большей сих заповеди нет» (Мк. 12,30-31).

Как мы потом открываем для себя из дальнейшей беседы с книжником, то есть знатком Писаний и обычаев, эти заповеди выше всех заповедей.

Этот отрывок из 12-й главы Евангелия от Марка – хороший урок и для нас, современных людей. Наша жизнь сильно отличается от жизни иудеев времен Иисуса и первых христиан, отличается от жизни времен отцов Церкви, отличается даже от жизни XIX и XX веков. Когда-то казалось, что XX век – век необычайного прогресса, а сейчас и он стал напоминать старину и чем-то даже викторианскую эпоху, потому что наше время совсем другое.

В наше время в Европе совершенно необязательно, что родившегося ребенка будут крестить в церкви в младенчестве. Сегодняшнее общество не считает это необходимым. А когда-то это было не так. В наши дни долгом матери не является учить детей молиться уже с колыбели. Ведь многие из матерей не делают этого сами.

Таким образом, часто, особенно в нашем постсоветском контексте, религиозная традиция уже не приобретается по наследству, в семье. А священные тексты могут быть незнакомы человеку с детства. Это радикально меняет картину формирования личности.

Недавно мне попалось воспоминание Папы Иоанна Павла II о его детстве. Он рассказывал о том, что его воспитывал отец, потому что мама рано умерла, даже не дождавшись его первого Причастия. Отец учил его молиться Святому Духу, особенно в тяжелые дни, когда что-то не получалось. А потом он подарил ему молитвенник, где была молитва Святому Духу, и сказал, что надо читать эту молитву каждый день.

Такая незамысловатая практика стала основой в детстве будущего Папы. Он потом вспоминал о ней с ностальгией и благодарностью. В наше время такое еще встречается, но если в начале XX

века это было обязательной практикой у европейских народов, то сейчас это, скорее всего, экзотика.

Поэтому, если сегодня мы чувствуем в себе стремление начать жить в вере, это происходит осознанно и часто без какой-либо связи с усвоенным в детстве. В результате у нас нет самых основ, и тогда, чтобы получить их, мы первым делом обращаемся к традициям, обычаям – к внешней стороне. А до самого смысла веры – до любви к Богу и к ближнему – нам еще очень далеко. Это не наша вина, это наш контекст, реальность XXI века.

Но это также и особое призвание, особая задача для нас: показать в нашей жизни, что такое христианская вера и жизнь в XXI веке. Что движет нами сейчас? Какова наша ежедневная дисциплина? Как мы молимся? Какие тексты особенно важны для нас? Как мы отмечаем церковные праздники? Чему учатся дети в воскресной школе? Что ищет молодежь в наших церквях и находит ли это?

Поэтому проповедь Иисуса, которую понял и подхватил книжник в евангельском тексте из Мк. 12, звучит спустя 2000 лет как новое откровение и для нас: традиции хороши, они – средство воспитания, но не средство спасения. Главные заповеди: любить Бога и любить ближнего. А как любить? Что это такое? На эти вопросы мы дадим ответ своими собственными жизнями. ■

Если сегодня мы чувствуем в себе стремление начать жить в вере, это происходит осознанно и часто без какой-либо связи с усвоенным в детстве

Den Sinn des religiösen Lebens drückte er in seiner Lehre aus: „Das höchste Gebot ist das: »... und du sollst den Herrn, deinen Gott, lieben von ganzem Herzen, von ganzer Seele, von ganzem Gemüt und von allen deinen Kräften«. Das andre ist dies: »Du sollst deinen Nächsten lieben wie dich selbst«. Es ist kein anderes Gebot größer als diese.“ (Mk. 12,30-31).

Wie wir dann im weiteren Gespräch mit dem Schriftgelehrten, also einem Kenner der Schriften und Bräuche, entdecken, sind diese Gebote höher als alle Opfer.

Dieser Abschnitt aus dem 12. Kapitel des Markus-evangeliums ist auch für uns heutige Menschen eine gute Lektion. Unser Leben ist ganz anders als das Leben der Juden zur Zeit Jesu und der ersten Christen, auch anders als das Leben der Kirchenväter und sogar als das Leben im 19. und 20. Jahrhundert. Damals kam es einem so vor, als sei das 20. Jahrhundert ein außergewöhnlich fortschrittliches Zeitalter, und jetzt erinnert es einen an die alten Zeiten und in gewisser Weise sogar an die viktorianische Epoche, denn unsere Zeit ist ganz anders.

In unserer Zeit ist es in Europa überhaupt nicht zwingend, dass man sein Kind als Säugling in der Kirche taufen lässt. Die heutige Gesellschaft hält das nicht für verpflichtend. Aber das war mal anders. In unseren Tagen besteht die Pflicht der Mutter nicht darin, die Kinder von der Wiege an beten zu lehren. Viele Mütter tun dies ja auch selber nicht.

So wird die religiöse Tradition, besonders in unserem postsowjetischen Kontext, oft nicht mehr als

Erbe in der Familie erlernt. Und die heiligen Texte können einem Menschen von klein auf unbekannt sein. Das verändert das Bild der Persönlichkeitsbildung radikal.

Vor Kurzem stieß ich auf eine Kindheitserinnerung von Papst Johannes Paul dem Zweiten. Er erzählte, dass er von seinem Vater erzogen wurde, weil seine Mutter früh gestorben war. Sie hatte nicht einmal seine Erstkommunion miterleben können. Sein Vater lehrte ihn, zum Heiligen Geist zu beten, besonders in schweren Tagen, wenn etwas misslang. Und dann schenkte er ihm ein Gebetbuch, in dem es ein Gebet an den Heiligen Geist gab, und sein Vater sagte, er solle dieses Gebet jeden Tag beten.

Diese schlichte Praxis war die Grundlage in der Kindheit des zukünftigen Papstes. Später dachte er mit Nostalgie und Dankbarkeit daran zurück. In unserer Zeit kommt so etwas noch vor, aber während es Anfang des zwanzigsten Jahrhunderts eine obligatorische Praxis der europäischen Völker war, ist es heute eher exotisch.

Wenn wir in uns heute das Bestreben empfinden, ein Leben im Glauben zu beginnen, geschieht dies also ganz bewusst und oft ohne Bezug zu etwas, was in der Kindheit erlernt wurde. Dadurch fehlen uns die Grundlagen, und dann wenden wir uns den Traditionen und Bräuchen – der äußeren Seite – zu, um diese zu bekommen. Und bis zum eigentlichen Sinn des Glaubenslebens, zur Liebe zu Gott und dem Nächsten, haben wir es noch weit. Das ist nicht unsere Schuld, es ist unser Hintergrund, die Realität des 21. Jahrhunderts.

Aber das ist auch eine besondere Berufung, eine besondere Aufgabe für uns: in unserem Leben zu zeigen, was christlicher Glaube und christliches Leben im 21. Jahrhundert ist. Was motiviert uns heute? Welche tägliche Disziplin haben wir? Wie beten wir? Welche Texte sind uns wichtig? Wie feiern wir kirchliche Feste? Was lernen die Kinder in der Sonntagsschule? Was suchen die Jugendlichen in unseren Kirchen und finden sie es?

Deshalb klingt Jesu Verkündigung, die von dem Schriftgelehrten im Evangeliumstext aus Mk. 12 verstanden und aufgenommen wurde, 2000 Jahre später auch für uns wie eine neue Offenbarung: Traditionen sind gut, sie sind ein Erziehungsmittel, aber kein Heilmittel. Die höchsten Gebote sind, Gott zu lieben und den Nächsten zu lieben. Und wie liebt man? Was ist das überhaupt? Diese Fragen werden wir mit unserem eigenen Leben beantworten. ■

Религиозное воспитание в семье сегодня – скорее, экзотика

Religiöse Erziehung in der Familie ist heute eher exotisch

Wenn wir in uns heute das Bestreben empfinden, ein Leben im Glauben zu beginnen, geschieht dies also ganz bewusst und oft ohne Bezug zu etwas, was in der Kindheit erlernt wurde

Между двумя мирами

История одной церкви

Евангелическая церковь Примирения в Берлине на Бернауэр-Штрассе, несмотря на свое название, стала на несколько десятилетий символом разделения города, страны, да и всей Европы. Потому что оказалась на границе Западного и Восточного Берлина. Стена прошла прямо перед входом в церковь, оставив здание в восточной части города. Церковь Примирения закрыли в 1961 году.

Оказавшись в так называемой «полосе смерти» – запретной зоне к востоку от Стены, она не дожила всего лишь несколько лет до падения Берлинской стены. Церковь взорвали в 1985 году. Таким образом ее история перекликается с похожими судьбами многих лютеранских церквей в СССР. Сегодня на ее месте стоит капелла Примирения, где снова собирается община.

И то, что кто-то во взрыве церкви может видеть символ, само по себе уже является метафорой деструктивного характера этого столетия

Фото падающей башни церкви Примирения обошло мир. 22 и 28 января 1985 года старая церковь Примирения – сначала неф, потом башня – была взорвана. С разрушением этой церкви «план мероприятий» Государственной безопасности ГДР «по проведению строительных задач по повышению безопасности, порядка и чистоты на государственной границе с Западным Берлином» на «объекте 7» был выполнен.

Церковь была построена по проекту архитектора Готхильфа Людвиг Мёкеля в 1892 году. 28 августа 1894 года дом Божий, строительство которого спонсировала императрица Августа Виктория, был освящен в ее присутствии. В конце 1920-х годов в общине церкви Примирения было 20 тысяч прихожан и три пастора.

Во время войны церковь серьезно пострадала от бомбежек, в 1945 году она оказалась на границе французского и советского секторов Берлина, в 1950 году была восстановлена и снова использовалась для богослужений, хотя численность церковной общины на одну треть сократилась. С 23 октября 1961 года церковь была закрыта.

Die Versöhnungskirche wurde ab 1892 nach Plänen von Gotthilf Ludwig Möckel errichtet. Das von Kaiserin Auguste Viktoria gestiftete Gotteshaus wurde am 28. August 1894 eingeweiht. Ende der 1920er Jahre hatte die Versöhnungsgemeinde 20.000 Mitglieder und drei Pfarrer.

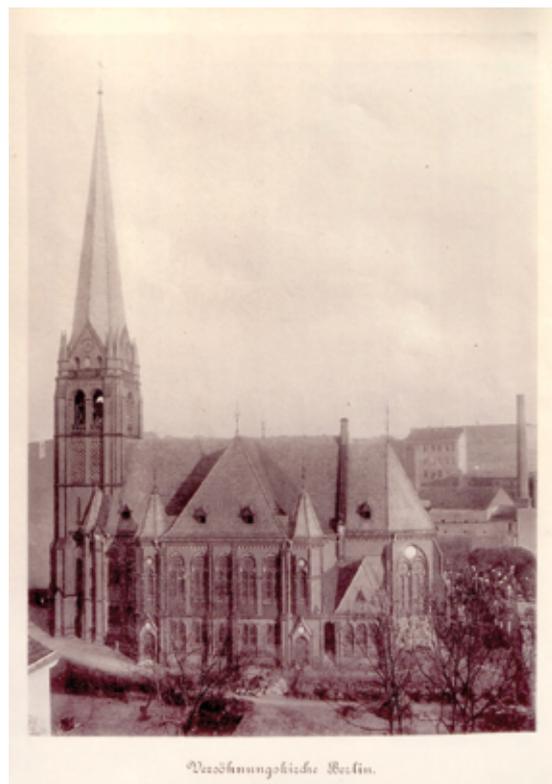
Die Kirche wurde im Zweiten Weltkrieg stark beschädigt, doch obwohl sie ab 1945 genau an der Grenze des Sowjetischen und Französischen Sektors Berlins lag, wurde sie 1950 wiederhergestellt und bis 1961 für Gottesdienste genutzt, obwohl die Mitgliederzahl sich auf ein Drittel reduziert hatte. Ab dem 23. Oktober 1961 wurde die Kirche geschlossen.

Участок границы на Бернауэр-Штрассе после 24 лет постоянного строительства и усовершенствования – после выселения людей из их домов, после сноса домов и установки элементов опорных стен – был в глазах властей ГДР «надежным и чистым».

28 февраля 1985 года канцлер ФРГ говорит в сообщении о положении народа в разделенной Германии: «Событие – это символ. Взрыв церкви показывает, как долго, как тяжело и как неясен путь, который нам предстоит, чтобы преодолеть разделение Европы, а также раскол Германии».

Для прихожан общины Примирения разрушение церкви стало опытом глубокого обморока. Кто переживает такой обморок, становится «маленьким». Ему внушается: ты не можешь ничего сделать, ты зависишь от воли власти имущих. В качестве сопротивления остаются символические акты.

Несколько лет спустя, 9 ноября 1989 года, падет Стена в Берлине, падут пограничные ограждения в Восточной Европе, немного позже

Zwischen zwei Welten

Geschichte einer Kirche

Die evangelische Versöhnungskirche in der Bernauer Straße in Berlin war trotz ihres Namens mehrere Jahrzehnte lang ein Symbol für die Teilung der Stadt, des Landes, ja sogar ganz Europas. Denn sie stand an der Grenze zwischen West- und Ostberlin. Die Mauer verlief direkt vor dem Eingang der Kirche; das Gebäude verblieb im Ostteil der Stadt. Die Versöhnungskirche wurde 1961 geschlossen.

Im sogenannten „Todesstreifen“, der verbotenen Zone östlich von der Mauer, blieb sie bis wenige Jahre vor dem Mauerfall erhalten. Die Kirche wurde 1985 gesprengt. So widerspiegelt ihr Schicksal ähnliche Schicksale vieler lutherischer Kirchen in der UdSSR. Heute steht an ihrem ehemaligen Standort eine Versöhnungskapelle, in der sich wieder eine Gemeinde versammelt.

Das Bild vom fallenden Turm der Versöhnungskirche ging um die Welt. Am 22. und 28. Januar 1985 wurde die alte Versöhnungskirche – erst das Schiff, dann der Turm – gesprengt. Mit der Zerstörung dieser Kirche war der „Maßnahmeplan“ der Staatssicherheit der DDR „zur Durchführung von baulichen Aufgaben für die Erhöhung von Sicherheit, Ordnung und Sauberkeit an der Staatsgrenze zu Berlin-West“ am „Objekt 7“ vollzogen.

Der Grenzabschnitt Bernauer Straße war nach 24 Jahren ständigen Bauens und Perfektionierens – nach Vertreibung der Menschen aus ihren Wohnungen, nach Abriss der Häuser und Aufstellung der Stützwandelemente aus Sicht der DDR-Machthaber „sicher und sauber“.

Am 28. Februar 1985 sagt der Deutsche Bundeskanzler im Bericht zur Lage der Nation im geteilten Deutschland: „Das Ereignis ist ‚Symbol‘. Die Sprengung der Kirche zeigt, wie lang, wie schwer und wie ungewiss der Weg ist, der noch vor uns liegt, um mit der Teilung Europas auch die Spaltung Deutschlands zu überwinden.“

Und dass einer in der Sprengung einer Kirche ein Symbol sehen kann, ist selbst wieder eine Metapher für den destruktiven Charakter dieses Jahrhunderts

Фото падающей башни церкви Прими́рения обошло мир...

Das Bild vom fallenden Turm der Versöhnungskirche ging um die Welt...

→ Восточная и Западная Германия воссоединятся – Европа «срастется». 13 июня 1990 года с удаления части Стены именно на этом участке начался официальный снос Берлинской Стены.

Взрыв церкви показал характер системы еще яснее, чем изоляция здания стеной и колючей проволокой

Евангелическая община Примирения должна была после мирной революции 1989 года заново определить свою позицию. Сначала надо было прояснить практические вопросы. Стоит вспомнить активность гражданской инициативы на Бернауэр-Штрассе. Скоро община осознала, что у нее также есть большая ответственность за исторические вопросы. Также и на вопрос о профиле «Церкви в городе» нужно было заново ответить на Бернауэр-Штрассе. Возвращение старых колоколов церкви Примирения и алтаря, раскопки остатков фундамента повлияли на этот процесс.

С 1961 года церковь стояла в «полосе смерти» Берлинской Стены, символ скорее не примирения, а его невозможности. Да, это был символ, если так можно сказать также и о церкви Примирения, с того момента, как прихожане должны были перешагивать границы секторов, чтобы зайти на церковный участок земли. Но, собственно, не в строительстве церковью обретает свои символы двадцатое столетие, а в их разрушении. И то, что кто-то во взрыве церкви может видеть символ, само по себе уже является метафорой деструктивного характера этого столетия.

Взрыв должен был освободить место для полосы обстрела. Но не только это. Должен был быть уничтожен образ. Ведь спрятанная за стеной церковь, который еще и носила название «примирение», изобличала ложь обоснования Стены в качестве «антифашистского защитного вала».

И всё же акт, который должен был стереть образ из сознания, вместо него поселил новый образ в сознание мировой общественности. Взрыв церкви показал характер системы еще яснее, чем изоляция здания стеной и колючей проволокой.

И всё же образ падающей церкви не должен оставаться последним образом общины

Примирения. После падения Стены община начала сразу доказывать свое происхождение. Архив сократившейся на ее западную часть общины остался в церкви в восточной части и годами хранился в разных местах. Это препятствовало сохранению памяти о годах перед строительством стены. Возвращение к истокам и сбор данных выявили общину, которая отражает судьбу Германии.

В 1894 году Берлин – крупнейший индустриальный центр Европы. Вильгельмовская Германия предстает здесь в блеске и славе. Тысячи стремятся в молодую столицу империи. Они ищут работу, им нужна родина. Социальная нужда велика. Примирение в социальном напряжении было миссией только что образовавшейся общины. Две мировые войны оставили тяжелые последствия, также и для общины.

В 1945 году Берлин лежит в развалинах и пепле. Послевоенная Германия получила тяжелое наследство. В Берлине женщины, работающие на расчистке города от развалин, занимаются восстановлением. Воссоздается также и пострадавшая церковь Примирения. Но вот только затем город разделяют. Граница проходит посреди общины Примирения. Примирение как связь через границы системы осталось миссией общины на Бернауэр-Штрассе.

В 1989 году падает Стена в Берлине. Европа воссоединяется, Восток и Запад. Что называется примирением сегодня? Снова и снова обнаруживают остатки старой церкви: церковную скамью, алтарь, колокола, статую Христа, сорванный башенный крест. Наконец, откапывают фундамент старой церкви.

После того как в 1995 году земельный участок Стены был возвращен общине для сакрального использования, встал вопрос о форме и содержании такого использования в ближайшем будущем после смены тысячелетий. Община осознала значение этого места благодаря многим разговорам со старыми берлинцами и молодыми иностранными гостями города. На Бернауэр-Штрассе. На бывшей «полосе смерти». На фундаменте взорванной церкви Примирения. На «Мемориале Берлинская Стена».

Из этого она сформулировала простую задачу: спасенные колокола и алтарь старой церкви должны снова использоваться в их изначальном месте. Где еще, как не на этом месте, могла бы быть основана «капелла Примирения»? Как международный знак в благодарность за преодоление разделения Берлина, немецкого и европейского раскола.

На Пятидесятницу 1999 года был заложен камень в основание капеллы Примирения по проекту берлинских архитекторов Рудольфа Райтерманна и Петера Зассенрота. С четвертого Адвента 1999 года в капелле проводятся богослужения общины. ■

Церковь примирения на Бернауэр-Штрассе в «полосе смерти». Снимок с воздуха

Versöhnungskirche in der Bernauer-Straße im „Todesstreifen“. Luftbild

По материалам сайта
www.versoennungskapelle.de

Für die Mitglieder der Versöhnungsgemeinde bedeutete der Fall der Kirche eine tiefe Erfahrung von Ohnmacht. Wer so seine Ohnmacht erlebt, wird klein gemacht. Ihm wird eingepreßt: Du kannst nichts tun, du bist abhängig vom Willen der Mächtigen. Als Gegenwehr bleiben symbolische Akte.

Wenige Jahre später am 9. November 1989 fällt die Mauer in Berlin, fielen die Grenzzäune in Osteuropa, wenig später werden Ost- und Westdeutschland wiedervereinigt – Europa wächst zusammen. Am 13. Juni 1990 begann mit dem Entfernen eines Mauerelementes in genau diesem Grenzabschnitt der offizielle Abriss der Berliner Mauer.

Die Evangelische Versöhnungsgemeinde musste nach der friedlichen Revolution von 1989 ihre Position neu bestimmen. Zunächst waren praktische Fragen zu klären. Erinnert sei an das Engagement der Bürgerinitiative Bernauer Straße. Bald war der Gemeinde bewusst, dass sie auch eine große Verantwortung für die historischen Fragen hat. Auch die Frage nach dem Profil von „Kirche in der Stadt“ musste in der Bernauer Straße neu beantwortet werden. Die Rückkehr der alten Glocken der Versöhnungskirche und des Altars, die Ausgrabung von Fundamentresten haben diesen Prozess geprägt.

Seit 1961 stand die Kirche dann im Todesstreifen der Berliner Mauer, Symbol weniger der Versöhnung, als deren Unmöglichkeit. Es war wohl ein Symbol, hätte man so auch von der Versöhnungskirche sagen können, von dem Zeitpunkt an, da die Gemeindeglieder die Sektorengrenze zu überschreiten hatten, um das Kirchengrundstück zu betreten. Aber nicht im Bau von Kirchen findet das zwanzigste Jahrhundert eigentlich seine Symbole, sondern in ihrer Zerstörung. Und dass einer in der Sprengung einer Kirche ein Symbol sehen kann, ist selbst wieder eine Metapher für den destruktiven Charakter dieses Jahrhunderts.

Die Sprengung sollte freies Schussfeld schaffen. Aber sie sollte noch mehr. Ein Bild sollte vernichtet werden. Strafte doch die eingemauerte Kirche, die auch noch den Namen „Versöhnung“ trug, die Begründung der Mauer als „antifaschistischer Schutzwall“ Lüge.

Doch der Akt, der das Bild aus dem Bewusstsein löschen sollte, hat dafür ein neues Bild im Bewusstsein der Weltöffentlichkeit eingepreßt. Die Sprengung der Kirche offenbarte den Charakter des Systems noch deutlicher als die Isolierung des Gebäudes durch Mauer und Stacheldraht.

Doch das Bild der fallenden Kirche soll nicht das letzte Bild der Versöhnungsgemeinde bleiben. Nach dem Fall der Mauer begann die Gemeinde sogleich, sich ihres Herkommens zu vergewissern. Das Archiv der auf den Westteil reduzierten Gemeinde war bei der Kirche im Ostteil geblieben und über die Jahre verstreut eingelagert worden. Damit war die Erinnerung an die Jahre vor dem Mauerbau behindert. Die Rückführung und Sichtung zeigte eine Gemeinde, die das Schicksal Deutschlands widerspiegelt.

1894 ist Berlin das größte Industriezentrum Europas. Das wilhelminische Deutschland zeigt sich hier in Glanz und Gloria. Tausende strömen in die junge Reichshauptstadt. Sie suchen Arbeit, brauchen eine Heimat. Die soziale Not ist groß. Versöhnung in

den sozialen Spannungen war der Auftrag der neu gegründeten Gemeinde. Die beiden Weltkriege haben schwere Folgen, auch für die Kirchengemeinde.

1945 liegt Berlin in Schutt und Asche. Das Nachkriegs-Deutschland trägt an einem schweren Erbe. In Berlin schaffen die „Trümmerfrauen“ den Wiederaufbau. Auch die beschädigte Versöhnungskirche wird wieder hergerichtet. Doch dann wird die Stadt geteilt. Die Grenze geht mitten durch die Versöhnungsgemeinde. Versöhnung als ein Zusammenhalt über Systemgrenzen hinweg blieb der Auftrag der Gemeinde in der Bernauer Straße.

1989 fällt die Mauer in Berlin. Europa wächst zusammen, Ost und West. Was heißt Versöhnung heute? Nach und nach wurden dann Reste der alten Kirche entdeckt: eine Kirchenbank, der Altar, die Glocken, die Christusstatue, das abgestürzte Turmkreuz. Zuletzt wurden die Fundamente der alten Kirche freigelegt.

Nachdem 1995 das Mauergrundstück der Gemeinde zur Sakralnutzung rücküberreignet war, entstand die Frage nach Form und Inhalt einer solchen Nutzung für eine Zeit nach der Jahrtausendwende. Die Gemeinde wurde sich der Bedeutung dieses Ortes in vielen Gesprächen mit alten Berlinern und jungen ausländischen Gästen der Stadt bewusst. An der Bernauer Straße. Auf dem ehemaligen Todesstreifen. Auf dem Fundament der gesprengten Versöhnungskirche. An der „Gedenkstätte Berliner Mauer“.

Sie formulierte daraus eine einfache Aufgabe: Die geretteten Glocken und der Altar der alten Kirche sollen an ihrem ursprünglichen Ort wieder in Gebrauch genommen werden. Wo anders – als an dieser Stelle – könnte eine „Kapelle der Versöhnung“ gestiftet werden, zum Dank für die Überwindung der Teilung Berlins, der deutschen und europäischen Spaltung als ein internationales Zeichen.

Pfingsten 1999 wurde der Grundstein für die Kapelle der Versöhnung nach dem Entwurf der Berliner Architekten Berliner Architekten Rudolf Reitermann und Peter Sassenroth gelegt. Seit dem 4. Advent 1999 finden die Gottesdienste der Gemeinde in der Kapelle statt. ■

С четвертого Адвента 1999 года в капелле Примирения проводятся богослужения общины...

Seit dem 4. Advent 1999 finden die Gottesdienste der Gemeinde in der Kapelle der Versöhnung statt...

Die Sprengung der Kirche offenbarte den Charakter des Systems noch deutlicher als die Isolierung des Gebäudes durch Mauer und Stacheldraht

Nach Materialien der Website www.versoehnungskapelle.de

Непростые истории простых людей

К 30-летию телефильма «Декалог»

Елена Дяквива, редактор журнала «Der Bote/Вестник», г. Санкт-Петербург

В 1989 году на экраны польского телевидения вышел телефильм под названием «Декалог». О чем может быть фильм с таким названием? Первое, что приходит на ум, это экранизация известного ветхозаветного сюжета на горе Синай. Отнюдь. Действие происходит в дни, когда снимался фильм, а его герои – поляки.

Тогда, скорее всего, речь идет о католической Церкви, а герои фильма – священнослужители? И снова нет. Вообще вопросы веры как таковые в фильме поднимаются лишь время от времени, в связи с отдельными персонажами, и не являются основными. А фигура ксендза мелькает, пожалуй, только раз, в одном из эпизодов.

Что же остается? Наверное, это фильм о политике и общественном движении в стране, о борьбе за свободу и возникающих при этом нравственных вопросах? Ведь 1980-е годы

в Польше – время активно борющейся «Солидарности». И тогда это кино хорошо согласуется с темой нашего номера... Но и это неверно. И авторы фильма намеренно отстранились от политической темы.

«Еще некоторое время мы раздумывали, не сделать ли упор на политику, но к середине 80-х политика перестала нас интересовать, – рассказывает о создании телефильма в автобиографической книге “О себе” режиссер Кшиштоф Кесьлёвский. – Во время военного положения я понял, что политика, в сущности, не столь уж важна. Конечно, она устанавливает определенные рамки бытия и очерчивает границы дозволенного. Но по-настоящему важных человеческих проблем она не решает, поскольку не в силах ответить на главные, фундаментальные вопросы человеческого существования. Вне зависимости от того, живешь ли ты в коммунистической стране или капиталистической, на вопросы “В чем смысл жизни?”, “Зачем ты живешь?”, “Зачем просыпаешься утром?” – политика не дает ответа».

И всё-таки содержание картины оправдывает ее название. Речь, действительно, идет о библейских десяти заповедях из книги Исход. Но они не формулируются как таковые ни в одной из десяти частей телефильма. Более того, не всегда можно с точностью определить, что какая-то ситуация, показанная в «Декалоге», соотносится с одной конкретной заповедью.

«Декалог» представляет собой цикл из десяти фильмов длиной в час. В каждом из них рассказана отдельная история. Герои фильма – жители многоквартирного дома в спальном районе Варшавы в конце 1980-х. Самые обычные люди. Такие, как мы с вами. И пейзаж двора из многоэтажек, такого похожего на наши, способствует тому, чтобы перенести действие фильма в нашу жизнь и представить, что всё это происходит сегодня с нами или нашими знакомыми.

Если проникнуть в любую из квартир этого дома или даже двора, как бы приблизить камеру к ее порой внешне ничем не примечательным обитателям, взять их крупным планом, то в каждой семье, в каждой отдельной душе обнаружится своя драма, своя история, с порой закрученным сюжетом. Эти истории ставят

Кадр из «Декалога»-1.
В роли ученого
Кшиштофа – Генрих
Барановский, в роли его
сына Павла – Войцех
Клата

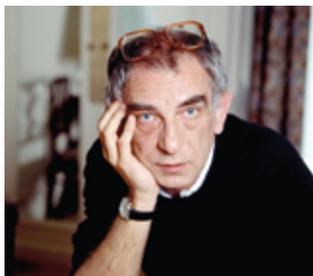
их участников перед непростым нравственным выбором или же опровергают принципы, которыми до этого момента руководствовались герои, и порой изменяют этих людей.

Вот ученый, который сделал своим кумиром науку, целиком полагаясь на разум и расчеты (Декалог 1). Он надменно отвергает идею Бога. Его единственный бог – это компьютер. Это приводит к трагедии в его семье. «Да не будет у тебя других богов...».

Вот юноша, который подглядывает за молодой незамужней женщиной в доме по соседству (Декалог 6). Он влюбляется в нее, и теперь всё что ему нужно – это лишь иногда видеть ее не через объектив подзорной трубы. Для этого молодой человек отправляет ей фальшивые извещения о переводах, чтобы она снова и снова приходила на почту, где он работает. Она узнает об этом, возмущается, недоумевает, смеется и цинично не верит в существование платонической любви. Но затем убеждается в обратном. И это откровение меняет героиню. На мой взгляд, лучше всего этот сюжет соотносится даже не с ветхозаветной, а с евангельской заповедью «Возлюби ближнего своего».

В этой работе режиссеру и сценаристу Кшиштофу Кесьлёвскому и сценаристу Кшиштофу Песевичу было интересно исследовать библейские заповеди как моральный абсолют, от которого отталкивается любой человек: сознает он это или нет, является ли он верующим или нет, хочет ли он этого или не хочет.

«В самом человеке есть некий барометр. Во всяком случае, я это явственно ощущаю, – пишет Кесьлёвский. – Во всех делах, требующих компромисса, во всех вынужденных ситуациях я всегда чувствую, чего делать ни в коем случае нельзя, – и стараюсь прислушиваться к своему внутреннему голосу. И это не связано с точным разграничением добра и зла. Работая над “Декалогом”, мы много думали об этом. Что такое добро и зло, ложь и правда, порядочность и непорядочность? Существует некая абсолютная точка отсчета».

Польский кинорежиссер и кинодраматург Кшиштоф Кесьлёвский (1941–1996)

Кшиштоф Песевич – польский адвокат, политик и сценарист. Соавтор сценария «Декалога» (р. 1945)

Самый тяжелый, по моему мнению, – пятый – фильм цикла рассказывает историю убийства с целью грабежа. Преступник пойман и вот-вот понесет наказание. Адвокат, рассуждающий о смысле и природе наказания с древних времен, сломлен своей неудачей. И как ни странно, в финальных кадрах убийца, отправляющийся на смертную казнь, вызывает сочувствие у зрителя. Потому что любое убийство, даже в качестве «справедливой кары», противостоит природе для человеческой природы. «Не убий».

Сам же Кшиштоф Кесьлёвский так писал о своем понимании Бога и божественной кары: «Если говорить о Боге, то должен признаться, что предпочитаю скорее Бога ветхозаветного – требовательного, жестокого, мстительного, не прощающего, требующего безусловного подчинения своим законам. Он предоставляет немалую свободу, но и накладывает при этом немалую ответственность».

Работая над «Декалогом», мы много думали об этом. Что такое добро и зло, ложь и правда, порядочность и непорядочность? Существует некая абсолютная точка отсчета...

Кадр из «Декалога»-2. В роли Дороты Геллер – Кристина Янда. В роли врача – Александр Бардини

Кадр из «Декалога»-6.
В роли Магды – Гражина
Шаполовска

→ Он наблюдает за тем, как человек использует эту свободу, и либо вознаграждает, либо карает его – со всей не допускающей прощения беспощадностью. В этом есть что-то вечное, абсолютное и безотнositельное. Такой и должна быть точка отсчета, особенно для людей, подобных мне, – слабым, ищущим и не находящим ответа».

Мне интереснее, как люди ведут себя, вернувшись домой, закрыв за собой дверь и оставшись наедине с самими собой...

Тема морального выбора поднимается в восьмом фильме. Молодая польская супружеская чета в Варшаве во время Второй мировой войны соглашается спасти еврейскую девочку. Им нужно всего лишь стать фиктивными свидетелями ее Крещения, которого на самом деле не было. Изначально дав согласие, в последний момент супруги отказываются это сделать.

Молодая женщина объясняет это тем, что якобы они с мужем не могут солгать Тому, в кого верят. И кажется, здесь этим героям пришлось выбирать между «не произноси ложного свидетельства» и «не убий». На самом же деле, всё было иначе. Выжившая девочка выяснит это только 40 с лишним лет спустя, когда обе героини снова встретятся.

Идея цикла «Декалог» еще и в том, чтобы показать человеческое естество без прикрас. Показать сокровенное, зачастую невидимое постороннему глазу, показать то, что по-настоящему волнует, исходит из глубины души.

«Жизнь каждого человека заслуживает внимания – у каждого есть свои тайны и драмы. Люди не рассказывают о них, потому что стесняются, не желают беречь раны или боятся быть обвиненными в старомодной сентиментальности, – говорит режиссер. – Мои героини заняты обыденными делами. Свое внимание я сосредоточил на том, что происходит в их внутренней жизни. (...) ...мне интереснее, как люди ведут себя, вернувшись домой, закрыв за собой дверь и оставшись наедине с самими собой».

Поэтому «Декалог» Кесьлёвского затрагивает и весьма щекотливые темы. Так, героиня второго фильма беременна от своего любовника. Ее муж болен раком и находится между жизнью и смертью. От его лечащего врача – своего соседа по дому – она хочет узнать, будет ли ее муж жить. Если да, она сделает аборт. Если нет, оставит ребенка. Врач – верующий человек. И, в отличие от героя первого фильма, о котором речь шла выше, осознает, что вопрос жизни и смерти, в конечном итоге, не в руках науки или медицины,

несмотря на то что ситуация может выглядеть однозначной. «Не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно» – не говори от имени Бога. Но если врач скажет «не знаю», может погибнуть нерожденный ребенок...

А в третьем фильме рассказывается о молодой одинокой женщине, которая решила любой ценой рождественской ночью быть рядом с бывшим любовником, чувства к которому не утасли. «Помни день субботний, чтобы святить его» – помни день праздничный, и он должен быть особенным.

Герои разных фильмов время от времени сталкиваются друг с другом – у входной двери в подъезд, во дворе или же заходят друг к другу по-соседски. Есть еще один безымянный герой, который объединяет большинство фильмов цикла, появляясь в них как эпизодический персонаж. Это молодой мужчина, который как бы случайно всякий раз оказывается рядом, наблюдая за происходящим. Его роль исполнил Артур Барчиш.

Идея цикла фильмов родилась во время случайной встречи уже известного кинорежиссера Кшиштофа Кесьлёвского с его другом – адвокатом Кшиштофом Песевичем. «Как-то я встретил на улице своего соавтора, вспоминал Кесьлёвский. – Во время военного положения он не жаловался на отсутствие работы, поскольку в Польше шло огромное количество политических процессов, в которых он как адвокат принимал участие. Но военное положение кончилось (...), и у него появилась возможность спокойно размышлять. Шел дождь, было холодно. Я потерял перчатку. А Песевич вдруг сказал: “Нужно снять «Декалог». И это должен сделать ты”».

«Декалог» стал первой совместной работой двух Кшиштофов, и в дальнейшем их сотрудничество продолжилось. Его плодами стали такие фильмы, как «Двойная жизнь Вероники», трилогия «Три цвета», а также снятые уже другими режиссерами по сценарию Кесьлёвского и Песевича картины «Рай» и «Ад».

Музыку к «Декалогу» написал польский композитор Збигнев Прайснер. В одном из фильмов цикла его сочинение, согласно сценарию, принадлежит вымышленному голландскому композитору Ван ден Буденмаеру. Прайснер известен своей музыкой к киноработам – как Кесьлёвского, так и других режиссеров.

Роли в телефильме исполнили такие звезды польского кино, как Даниэль Ольбрыхский, Кристина Янда, Богуслав Линда, Ежи Штур и другие.

«Декалог» получил в 1989 году приз Международной ассоциации кинокритиков на Венецианском кинофестивале и премию Международной католической организации на фестивале в Сан-Себастьяне. А также в 1995 году в разделе «Ценности» вошел в список из 45 фильмов, рекомендованных Ватиканом. Этот список был составлен к 100-летию кинематографа по личной просьбе Папы Иоанна Павла II.

Каждый из нас мог бы стать героем такого фильма. Присмотритесь к окружающим вас и загляните в себя: какую историю рассказали бы вы? ■

Пророческий хорал

Один из самых молодых хоралов в нашем песенном сборнике – это «Доверьтесь новым тропам» / „Vertraut den neuen Wegen“ (№ 253). Текст этого песнопения был написан ровно 30 лет назад – летом 1989 года. Когда автор слов, профессор теологии из Йены, пастор Клаус-Петер Герцш сочинял три строфы в подарок на свадьбу своей крестнице, он еще не подозревал, что у этого текста большое будущее: он не просто выйдет за пределы круга гостей праздника, но станет символом грядущих политических и общественных перемен в стране и в Европе, а позже даже войдет в сборник евангелических песнопений!

Премьера песни состоялась 4 августа 1989 года в церкви св. Анны в Эйзенахе, где венчалась Мария-Барбара Мюллер. За день до этого ее крестный, пастор Герцш, записал слова в своем гостиничном номере, затем перед венчанием текст размножили и раздали гостям, чтобы они могли исполнить его

в качестве поздравления молодоженам. Пели его на известную мелодию одного хорала, как это часто бывает в таких случаях (вспомните, наверняка и вам доводилось принимать участие в исполнении поздравительных или шуточных номеров, когда написанные для специального случая слова поют на мотив какой-то другой, популярной, песни). Так родился новый хорал.

А спустя три месяца, через несколько дней после падения Берлинской стены, песнопение „Vertraut den neuen Wegen“ исполняли в завершение Декады мира в Йене. (Такие Декады мира проходили в различных евангелических общинах ГДР с 1980 года и представляли собой десятидневную программу, состоящую из богослужений и других мероприятий). Гости той свадьбы в Эйзенахе позаботились о том, чтобы текст стал знаком многим другим людям.

Елена Дякова,
редактор журнала
«Der Bote/Вестник»,
г. Санкт-Петербург

253

T: Vertraut den neuen Wegen; КП.Герцш, 1989.
П: Д.Б.Брауер
М: XVI в.

До - верь - тесь но - вым тро - пам, Ку -
Ведь на - ша жизнь - до - ро - га, Зо -
да Гос - подь ве - дет. С тех
вет о - на впе - ред,
пор, как нам си - я - ет Свет ра - ду - ги с не -
бес, К зем - ле о - бе - то - ван - ной
Стре - мят - ся лю - - - - ди все.

2. Доверьтесь новым тропам, / Идите сквозь года. / Земли благословеньем / Вы стали навсегда. / Кто всем нам в миг рождения / Наш первый вдох дает, / Того святая воля / К спасенью приведет.

3. Доверьтесь новым тропам, / Куда Господь нас шлет, / Он сам идет навстречу, / Он в будущем живет. / И кто идет с надеждой / В любые времена, / Тем двери отворяет / Небесная страна.

1. Vertraut den neuen Wegen, / auf die der Herr uns weist, / weil Leben heißt: sich regen, / weil Leben wandern heißt. / Seit leuchtend Gottes Bogen / am hohen Himmel stand, / sind Menschen ausgezogen / in das gelobte Land.

2. Vertraut den neuen Wegen / und wandert in die Zeit! / Gott will, dass ihr ein Segen / für seine Erde seid. / Der uns in frühen Zeiten / das Leben eingehaucht, / der wird uns dahin leiten, / wo er uns will und braucht.

3. Vertraut den neuen Wegen, / auf die uns Gott gesandt! / Er selbst kommt uns entgegen. / Die Zukunft ist sein Land. / Wer aufbricht, der kann hoffen / in Zeit und Ewigkeit. / Die Tore stehen offen. / Das Land ist hell und weit.

Клаус-Петер Герцш
(1930–2015) – автор
слов песнопения

Мария-Барбара Мюллер – крестница К.-П. Герцша, для которой он сочинил текст песнопения

„Vertraut den neuen Wegen und wandert in die Zeit“ / «Доверьтесь новым тропам, идите сквозь года», – так начинается вторая строфа песни. Что может быть лучше напутствия молодой паре? Весь текст проникнут радостным и вместе с тем волнительным ожиданием начала новой жизни, на пороге которой стоят те, кому эта песня посвящена. В качестве поддержки на этом пути их призывают довериться Богу, который «Сам идет навстречу» и держит будущее в Своей руке, и смело идти вперед...

Случилось так, что эти строки как нельзя лучше подошли ко времени перемен в Европе, знаковым событием которого стало падение Берлинской стены 9 ноября 1989 года. Благодаря этому песнопение, изначально написанное как свадебное поздравление, приобретает популярность и становится символом нового начала для страны и для Церкви.

«Мы видели, что происходит движение по всей Восточной Европе, – вспоминает пропст Михаэль Шварцкопф о настроениях 1989 года в ГДР, – но до начала сентября никто из нас не подозревал, что будут большие перемены на Востоке Германии и что эта песня окажется пророческой».

Сам же автор, пастор и общественный деятель Клаус-Петер Герцш, не оценивал высоко литературное достоинство этого и других своих стихотворений, называя их «функциональными текстами». Еще до появления „Vertraut den neuen Wegen“ он был известен как автор «библейских баллад» – стихотворных текстов, написанных на пять известных сюжетов из Ветхого Завета. Они были не единожды изданы как в ГДР, так и в ФРГ, а также положены на музыку директором церковной музыки из Дессау Вольфгангом Эльгером.

Клаус-Петер Герцш родился в 1930 году в Эйзенахе в семье евангелического теолога. Он изучал теологию в Йене, затем работал пастором и занимал административную должность в Церкви. А после защиты диссертации – с 1968 года до своего ухода на пенсию в 1995 году – пастор Герцш был профессором практической теологии в Йенском университете.

Помимо этого, он ангажировал себя и как общественный деятель. С 1960 года Герцш работал в Христианской мирной конференции (ХМК), принимал участие в Первом и Втором Всехристианских мирных конгрессах (ВМК) в Праге в 1960-е годы. В 1986 году был одним из главных референтов на семинаре «Язык мира», который организовали в немецком городе Бад-Сааров ХМК и Союз Евангелических Церквей в ГДР.

Церковь св. Анны в Эйзенахе, где хорал „Vertraut den neuen Wegen“ прозвучал впервые на венчании

В 2008 году Клаус-Петер Герцш первым получил только что учрежденную Советом Евангелической Церкви в Германии Медаль Мартина Лютера. В официальном слове к награждению сказано: «Клаус-Петер Герцш – человек Слова, живого и животворящего Слова Божьего. Он причисляется к выдающимся и оказавшим большое влияние представителям протестантской культуры проповеди и благовестия нашего времени».

Пережив три разных режима в стране – национал-социалистический, ГДР и объединенную демократическую Германию, Клаус-Петер Герцш умер в 2015 году в возрасте 85 лет.

А что же известно о мелодии песнопения? В отличие от текста, она совсем не молода: ей уже около пяти сотен лет. И, как это часто бывало с мелодиями церковных хоралов, изначально на нее исполняли светский текст.

В XVI веке в Германии бытовала народная песня „Entlaubet ist der Walde“ («Опала листва в лесу»). Речь в ней шла о разлуке с любимой. На музыку этой песни в 1544 году богемские братья сочинили духовный текст „Lob Gott getrost mit Singen“. Мелодию этого хорала обработал в 1932 году пастор и поэт Отто Ритмюллер. И уже в таком виде „Lob Gott getrost mit Singen“ в 1993 году вошел в немецкий сборник евангелических песнопений под номером 243. (В сборнике песнопений ЕЛЦ, изданном в Санкт-Петербурге в 2009 году, вы найдете этот хорал под номером 316. В переводе он называется «Хвали же Бога в песне»).

Мелодию „Lob Gott getrost mit Singen“ и использовал Клаус-Петер Герцш для своей поздравительной песни. Таким образом музыка прошла большой путь длиной почти в полтысячелетия – от любовной лирики до – внезапно – политического духовного гимна.

Песнопение XVI века „Entlaubet ist der Walde“, мелодия которого была заимствована для духовных гимнов

Помимо сборника Евангелической Церкви, „Vertraut den neuen Wegen“ вошел и в католический песенный сборник, а также в песенник Евангелическо-Методистской Церкви.

Нашел он свое место и в сборнике песнопений ЕЛЦ (СПб, 2009), где опубликован на двух языках. Перевод на русский сделал нынешний Архиепископ ЕЛЦ России Дитрих Брауэр. И для лютеран, поющих на русском, также может быть актуально значение этого гимна как символа нового пути, ведь время, в которое он возник, принесло перемены к лучшему и для них.

Но скорее всего, этот хорал здесь любят не за это. Ведь далеко не всем знакома его история. «Новые тропы», дорога в неизвестное – это метафора жизненного пути, близкая и понятная каждому. На этой дороге любой из нас нуждается в поддержке и надежде на лучшее. ■

«Библейские баллады»
К.-П. Герцша, вышедшие
в свет в 1979 году
в издательстве „Radius“
в Штутгарте

